ISSN 2409-6814

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ АКАДЕМИЯ

ВЛАДИМИР

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№3 (59)

2026 ГОД

ISSN 2409-6814

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ АКАДЕМИЯ
ВЛАДИМИР
РАНХиГС

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№3 (59)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Макаров Павел Юрьевич,
доктор экономических наук, доцент
(Владимирский филиал РАНХиГС)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Соколова Марина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент
(Владимирский филиал РАНХиГС).

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Доктора наук:

1. **Аверин Александр Валентинович,**
доктор юридических наук, доцент
(Владимирский филиал РАНХиГС).
2. **Гойхер Олег Лазаревич,**
доктор экономических наук
(Владимирский филиал РАНХиГС).
3. **Губернаторов Алексей Михайлович,**
доктор экономических наук
(Финансовый университет при Правительстве РФ).
4. **Давыдова Марина Леонидовна,**
доктор юридических наук, профессор
(Волгоградский государственный университет).
5. **Дерен Иванна Ивановна,**
доктор экономических наук, доцент
(ВЮИ ФСИН, г. Владимир).
6. **Евстифеев Роман Владимирович,**
доктор политических наук
(ИНИОН РАН, г. Москва).
7. **Илюхина Вера Алексановна,**
доктор юридических наук, доцент
(Академия ФСИН России (г. Рязань)).
8. **Кисляков Алексей Николаевич,**
доктор экономических наук,
кандидат технических наук
(Владимирский филиал РАНХиГС).
9. **Лапыгин Юрий Николаевич,**
доктор экономических наук, профессор
(Владимирский филиал РАНХиГС).
10. **Миронова Светлана Михайловна,**
доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский филиал РАНХиГС).
11. **Плетников Виктор Сергеевич,**
доктор юридических наук, доцент
(УРГЮА, г. Екатеринбург).
12. **Пожарский Дмитрий Владимирович,**
доктор юридических наук, доцент
(Уфимский юридический институт МВД России (г. Уфа)).
13. **Федотова Гилян Васильевна,**
доктор экономических наук
(ФИЦ ИУ РАН, г. Москва).
14. **Чечельницкий Илья Валентинович,**
доктор юридических наук
(рабочий аппарат Уполномоченного
по правам человека в РФ).
15. **Чуб Анна Александровна,**
доктор экономических наук, доцент
(Финансовый университет
при Правительстве России, Москва).

Кандидаты наук:

16. **Авдеев Данила Алексеевич,**
кандидат юридических наук
(Владимирский филиал РАНХиГС).
17. **Киселев Александр Сергеевич,**
кандидат юридических наук
(Финансовый университет при Правительстве РФ).
18. **Шаханов Вячеслав Владимирович,**
кандидат юридических наук
(Владимирский филиал РАНХиГС).

ISSN 2409-6814

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ:
Наименование (название) издания: Ученые записки
Учредитель (соучредители): Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Фамилия, инициалы главного редактора: Макаров П.Ю.
Порядковый номер выпуска и дата его выхода в свет: № 3 (59), 28.09.2026
Индекс для изданий, распространяемых через предприятия связи: нет
Тираж: 500 экземпляров
Цена: «Свободная цена»
Адрес редакции, издателя, типографии: 600017, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Горького, д. 59-а
Знак информационной продукции, предусмотренный Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»: 16+
Адрес электронной почты и номер телефона редакции: vladimir@ranepa.ru, (4922) 53-28-57
Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 30 апреля 2015 года № ПИ № ФС77-61577 (бланк 057765), выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

© Владимирский филиал РАНХиГС, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Адова К.Д.,
Рогачева К.А.,
Севостьянова С.А.
МЕТОДИКА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ
ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ОПРОСОВ 5

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Листратов И.В.
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВА ГРАЖДАН И ОРГАНИЗАЦИЙ
ОТ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 13

Путинцев А.В.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ
КАК ОБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ. 18

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Виноградов А.А.,
Корнилова О.А.
ESG-КОМПЕТЕНЦИИ СОТРУДНИКОВ БАНКА
КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ
УСТОЙЧИВОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РЕГИОНАХ: БАРЬЕРЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ 24

Дерен И.И.,
Соколова А.В.
ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К УСТОЙЧИВОСТИ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
(НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ) 30

Полякова О.Е.
УПРАВЛЕНИЕ ИНФЛЯЦИОННЫМИ ОЖИДАНИЯМИ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: РОЛЬ КОММУНИКАЦИИ 35

Саматова А.И.,
Круглов В.Н.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОГО РЕСУРСА В АКТИВИЗАЦИИ ДИНАМИКИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ АНКЛАВОВ 39

Наумов А.М.
РЕЦЕНЗИЯ НА ДИССЕРТАЦИЮ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
«СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ
В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ» ЛАВРИНОВСКОЙ И. С. 45

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Научная статья
УДК 338.2

Методика количественной оценки финансовой культуры населения на основе данных опросов

Карина Дмитриевна Адова[1], Кристина Александровна Рогачева[2], Софья Александровна Севостьянова[3]
[1, 2, 3] Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия
[1] karina.adovagirl@mail.ru
[2] kristinarog23004@yandex.ru
[3] sevostyanova-sa@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлена авторская методика расчета индекса финансовой культуры населения на основе трех компонентов: ответственность, долгосрочные горизонты и доверие. Методика апробирована на данных пяти волн индивидуальных опросников Банка России за 2015-2024 гг. Расчет индекса производится по формуле средней арифметической субиндексов. Выявлены основные гипотезы о факторах, влияющих на динамику компонентов, и приведены их обоснования с учетом макроэкономических шоков. Показано, что индекс финансовой культуры имеет волнообразный характер, достигая пика в 2018 и 2024 годах и снижаясь в кризисные периоды. Разработанная методика может быть использована для мониторинга эффективности государственной политики в области финансового просвещения.

Ключевые слова: индекс финансовой культуры, методика расчета, ответственность, долгосрочные горизонты, доверие, опросы населения, динамика, факторы

STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

Original article

Methodology for quantitatively assessing the financial culture of the population based on survey data

Karina D. Adova[1], Kristina A. Rogacheva[2], Sofya A. Sevostyanova[3]
[1, 2, 3] Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPA, Volgograd, Russia
[1] karina.adovagirl@mail.ru
[2] kristinarog23004@yandex.ru
[3] sevostyanova-sa@ranepa.ru

Annotation. The article presents the author's methodology for calculating the population's financial culture index based on three components: responsibility, long-term horizons, and trust. The methodology has been tested using data from five waves of individual Bank of Russia surveys conducted between 2015 and 2024. The index is calculated using the arithmetic mean formula for subindices. The main hypotheses about the factors influencing the dynamics of the components are identified, and their justifications are provided, taking into account macroeconomic shocks. It has been shown that the financial culture index has a wave-like pattern, reaching its peak in 2018 and 2024 and declining during crisis periods. The developed methodology can be used to monitor the effectiveness of state policy in the field of financial education.

Keywords: financial culture index, calculation methodology, responsibility, long-term horizons, trust, population surveys, dynamics, factors

© Адова К.Д., Рогачева К.А., Севостьянова С.А., 2026

В современной экономической науке и практике всё большее внимание уделяется не только уровню финансовой грамотности, но и финансовой культуре как совокупности ценностей, установок и поведенческих практик. В России это направление получило институциональное закрепление в Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 24.10.2023 № 2958-р [1]. В документе подчеркивается, что финансовая культура формируется под влиянием опыта, доходов, доступности услуг и вовлеченности граждан.

Однако проблема операционализации и количественной оценки финансовой культуры остается дискуссионной. Существующие международные методики (OECD/INFE) фокусируются преимущественно на грамотности, а не на поведенческих аспектах [2]. В данной работе предлагается авторская методика расчета индекса финансовой культуры, основанная на трех компонентах: ответственность, долгосрочные горизонты и доверие.

Цель исследования – разработать и апробировать индекс финансовой культуры, позволяющий измерять динамику и выявлять факторы, влияющие на поведенческие практики населения. Задачи включают: обоснование выбора компонентов и вопросов, расчет индекса по данным опросов 2015-2024 гг., анализ динамики и формулировку гипотез о факторах, определяющих изменения.

На основании анализируемых волн нами были взяты данные пяти последних периодов опросов для представления более точной динамики индекса финансовой культуры. В основе выбранной методики лежит двухуровневая агрегация данных с использованием средней арифметической. На первом этапе рассчитываются значения по каждому вопросу по соответствующему кластеру (табл. 1).

Таблица 1

Отобранные для анализа вопросы трех волн индивидуальных опросников за период 2015-2024 г.

Категория	Код вопроса	Текст вопроса	Ответственность	Долгосрочные горизонты	Доверие
Опыт	C3.1 (PF_C3_1)	В настоящий момент у Вас лично есть невыплаченные займы, взятые в ломбарде или микрофинансовой организации	■		■
	P5.1 (PF_P41_1)	Есть полис страхования жизни?	■	■	
	(PF_P41_2)	Страховой полис на случай потери работы	■		
	(PF_P41_3)	Полис ДМС	■		
	C5.2 (PF_P13_2)	Сколько всего долгов частным лицам у Вас есть в настоящее время?	■		
Доход	2024/PF_Y6_/У11	Теперь несколько вопросов о планировании будущего в целом. Я зачитаю несколько утверждений, а Вы скажите, насколько каждое из них характеризует лично Вас. Итак, это про Вас или нет.		■	
	У12 (PF_Y8)	Какой промежуток времени Вы в основном принимаете в расчет, когда планируете, сколько денег отложить, а сколько потратить?		■	
Доступность	2024_У10	Как Вы думаете, для крупных покупок в кредит или в долг сейчас в целом хорошее время, плохое время или ни то ни другое?		■	
	P6.4 (PF_P10_5)	Скажите, пожалуйста, у Вас лично есть срочный вклад или накопительный счёт в банке, то есть такой счёт или вклад, который используется для получения более высоких процентов по вкладу?	■		
	P9.5 (PF_P14_2)	Если все Ваши личные сбережения, включая сбережения в наличных, счета и вклады в банках, акции, облигации, паи в ПИФах и прочие, принять за 100 %, какую часть из них Вы храните в наличных рублях?			■
Вовлеченность	У13 (PF_Y9)	Как Вы относитесь к покупке вещей в долг или в кредит?	■		■
	P4.1 (PF_P3_3)	Вы лично делаете добровольные взносы в негосударственные пенсионные фонды?		■	
	P1.7 (PF_P1 9)	Скажите, у Вас лично есть в собственности облигации?			■
	P2.1 (PF_P2_1)	Скажите, у Вас лично есть в собственности паи в паевых инвестиционных фондах, то есть ПИФах?			■
	P1.1 (PFP1_1A)	У Вас лично есть в собственности акции или доли предприятий, компаний? Не включая акции и доли предприятий, на которых Вы работаете	■		

Для обеспечения объективности и воспроизводимости результатов на первом этапе построения индекса потребовалось привести ответы респондентов к единой шкале. В рамках разработанной методики каждому варианту ответа был присвоен балл в диапазоне от 0 до 1, где 1 соответствует наиболее «продвинутому» с точки зрения финансовой культуры, а 0 – наименее желательному сценарию.

На втором этапе проведения расчетов полученные значения группируются в три компонента финансовой культуры населения. Итоговый индекс рассчитывается как среднее арифметическое трех субиндексов в соответствии с формулой:

$$И_{рфк} = К_0 \times \text{весовой коэффициент } К_0 + К_{дг} \times \text{весовой коэффициент } К_{дг} + К_д \times \text{весовой коэффициент } К_д.$$

В процессе расчетов авторами работы был присвоен общий весовой коэффициент для каждого компонента финансовой грамотности, равный 1/3. Формула каждого компонента представляет собой среднее арифметическое значение баллов по группе вопросов:

$$\text{Компонент}_j = \frac{\sum_{i=1}^{n} K_i}{n}.$$

Все конечные результаты таблиц, посвященных компонентам финансовой культуры, рассчитывались по формуле: =СУММ (диапазон данных за год)/количество вопросов, отнесенных к конкретному компоненту.

К преимуществам выбора метода средней арифметической необходимо отнести следующие факторы.

1. Интерпретируемость данных, на основании чего метод характеризуется прозрачностью и становится наиболее понятным для проведения аналитики и прочтения ее итогов.

2. Низкие значения по одному компоненту могут быть компенсированы высокими значениями по другому, что отражает сбалансированность в разрезе различных регионов или групп населения.

3. Учет всего массива данных в процессе проведения расчетов по каждому опрашиваемому лицу в представленных вопросах. Каждый из включенных вопросов вносит равный вклад в субиндекс, что снижает риск субъективного взвешивания микропоказателей.

Однако данный подход опирается на ряд статистических и содержательных предпосылок, которые накладывают ограничения на интерпретацию получаемых значений.

1. Средняя арифметическая, с другой стороны, допускает взаимную компенсацию значений отдельных элементов. В контексте используемой структуры расчета это означает, что наличие критически слабых характеристик может не приводить к заметному снижению компонента при наличии благополучных значений по другим вопросам.

2. Чувствительность к крайним значениям внутри группы вопросов: экстремально низким или высоким. Среднее значение может не совсем точно отражать общую картину по компоненту. Учет данного ограничения необходим для корректной интерпретации динамики и рассмотрения поведенческих сдвигов.

3. Эффект сглаживания является одновременно и ограничением, по причине того, что индекс может не показывать критических провалов в одном аспекте, если они скрыты за высокими результатами в другом.

4. Использование равных весов предполагает, что все три компонента одинаково важны для итоговой оценки. В реальности в определенные экономические периоды один вес может быть объективно выше, чем вес другой, но метод не позволяет это учесть без изменения формулы.

5. Поскольку итоговый индекс является производной от средних арифметических первичного уровня, любые ошибки и допущения в нормировке баллов по вопросам мультиплицируются на итоговое значение.

6. При использовании методики итоговое значение компонента определяется не только значениями компонентов, но и их составом. Добавление или исключение отдельных показателей изменяет относительный вклад остальных, а значит, любое изменение состава приводит к изменению измерительной модели, даже при неизменных ответах респондентов.

7. Средняя арифметическая не учитывает степень разброса значений отдельных компонентов. Элементы с высокой вариативностью и с постоянными значениями влияют на показатель одинаково. В результате компоненты, содержащие больше информации о различиях между наблюдениями, не получают дополнительного статистического веса.

После анализа данных полученных ответов по опросникам волн за 2015-2024 гг., были получены итоговые значения по каждому из компонентов финансовой культуры населения (таблица 2).

Таблица 2

Результаты расчетов компонентов финансовой культуры населения

Компонент финансовой культуры	2015	2018	2020	2022	2024
Ответственность	0,18519	0,19722	0,19404	0,19312	0,19828
Долгосрочные горизонты	0,30119	0,30981	0,29390	0,28934	0,31923
Доверие	0,21640	0,21489	0,21670	0,20317	0,20589

На основании полученных данных можно сделать выводы о динамике каждого отдельного компонента. Рост показателя ответственности произошел между 2015 и 2018 годами, что отражает увеличение осознанности и личной вовлеченности граждан в управление своими финансами. Однако после 2018 года показатель упал на 0,00318 и стабилизировался примерно на одном уровне до конца исследуемого периода до 0,19828.

По компоненту «Долгосрочные горизонты» проявляется небольшой прирост в период 2015-2018 годов (+3 %). Затем идет плавное снижение до минимума в 2022 году (-4 %). К 2024 году значение вновь повышается до уровня, чуть выше показателя 2015 года.

И компонент «Доверие» находился в рамках 21 % на протяжении 2015-2020 годов, к 2024 году показатель снижался и достиг уровня 20,5 %.

Исходя из рассматриваемых данных, был получен результат выстроенного индекса финансовой культуры (рисунок 1).

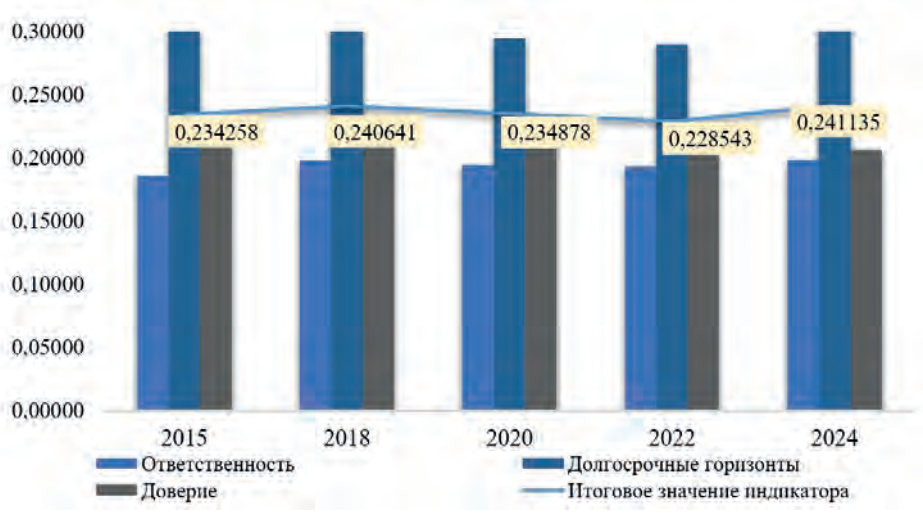

Рис. 1. Результаты расчетов индекса финансовой культуры населения

Собранные показатели компонентов в конечном расчете индекса отразили колебания в каждом исследуемом периоде. Кратковременный пик в 2018 году сменился снижением показателя до 23,5 % (2020-й) и 22,85 % (2022-й). Рост был достигнут в 2024 г. – 24,1 %.

Если сравнить индексы по годам, становится ясно, что улучшение финансовой культуры оказалось ограниченным и несущественным. Рост не сохранился надолго, и в последующие годы опускался ниже первоначальных значений. Общий индекс в 2024 году достигает наибольшего значения.

Исследование позволило выявить тенденции развития компонентов ответственности, долгосрочных горизонтов и доверия, формирующих поведенческие сценарии населения и определяющие уровень финансовой культуры. Рассмотрение проблемы осуществляется посредством анализа эмпирических данных, которые формируют основу для построения гипотез.

Оценка статистической значимости коэффициентов дает возможность определить, какие факторы оказывают систематическое влияние на уровень финансовой культуры, а также подтвердить или опровергнуть выдвинутые гипотезы.

1. Стагнация долгосрочных горизонтов гипотетически отражает культурный код населения страны в отношении финансового планирования, определяющий страхи и линейную взаимосвязь низкого доверия к финансовым инструментам из-за экономических кризисов.

2. Снижение ответственности характеризуется избеганием рисков и стремлением к сохранению стабильности личных финансов, страхов ко

вкладу денежных средств в период экономических кризисов или отсутствия должных знаний по грамотному вложению средств.

3. Все три компонента находятся в динамике роста при принятии мер поддержки со стороны государства в виде внедрения новых законов и нормативов, льгот и государственных программ.

4. При увеличении экономической нестабильности, развитии кризисов в стране происходит снижение компонентов, доверие характеризуется цикличностью как индикатор макроэкономической стабильности.

5. Проявление разнородной реакции «Ответственности» на внешние шоки – резкий рост при позитивных реформах и медленный спад в кризисы, что связано с накопительной культурой и упомянутым ранее культурным кодом.

6. Долгосрочные горизонты в большей степени взаимосвязаны с доверием к текущей экономической ситуации и отражают влияние на планирование населения через меры государственной финансовой поддержки (амнистии, льготные ставки, кредиты и программы).

7. Взаимодействие компонентов через последовательные цепочки. Кризисные ситуации приводят к спаду доверия, ведущему к стагнации горизонтов (короткое планирование), что в свою очередь снижает ответственность (рост долгов, спад акций). А в стабильные периоды обратный эффект – государственные меры и равновесие рынка повышают доверие, что увеличивает длительность периодов планирования и стабилизирует ответственность.

Перейдем к обоснованию предложенных гипотез. В 2015 году произошел кризис из-за санкций и падения цен на нефть, экономический спад привел к росту долгов и снижению страховых услуг («Ответственность» и «Долгосрочные горизонты»). Ответственность в этот период низкая, на что влияют объемы страховых полисов и приобретенных акций. Отдельно стоит отметить, что по компонентам «Доверие» и «Долгосрочные горизонты» в связи с экономическим кризисом и проблемами с личными сбережениями населения остаются низкими показатели вложений в ПИФы, облигации и НПФ, что связано со страхом к долгосрочным вложениям, консерватизмом инвесторов, неопределенностью рынка и предпочтением ликвидных активов (наличность).

В России 2018 год стал ярким примером роста ответственности через увеличение вкладов и акций. Финансовая амнистия, введенная Федеральным законом от 28.12.2017 № 436-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], позволила легализовать активы, что совпало с резким скачком баллов: вложение в срочные вклады увеличилось, а общий компонент ответственности – вырос с 0,185 до 0,197. Это отразилось на кампании ЦБ и росте ставок (7,75 %), стимулировавших сбережения (объем вкладов продемонстрировал увеличение до 0,208).

«Долгосрочные горизонты» отразили повышение стремления населения к долгосрочному планированию в виде многократного увеличения приобретения полисов страхования жизни, вложений в НПФ и более разумного мышления относительно «будущего в целом» [4]. «Доверие» продемонстрировало повышение количества вложений в облигации и ПИФы, а также рациональное отношение к покупкам в долг или кредит за счет стабильности личного финансового состояния граждан и их способности к проведению заведомой оценки устойчивости и возможных рисков.

В 2020 году пандемия коронавируса стала определяющей в экономической ситуации в стране. Локдауны и поддержка (льготные кредиты) временно улучшили планирование (кредиты на покупки с 0,52 по 0,54), «Доверие» выросло за счет внедрения государственных мер и стимулирования финансовых операций населения. «Ответственность» в этот период, наоборот, снизилась за счет уменьшения вложений населения во вклады и акции по причине накопления запасов на будущее и создания «подушки безопасности» в виде наличных средств.

Период 2022 года охарактеризован наложений санкций и началом СВО, что привело к росту инфляции, колоссальному увеличению ключевой ставки с 9,5 % до 20 %. На индекс повлиял упадок компонентов «Ответственность» до 0,193, «Долгосрочные горизонты» до 0,289 и «Доверие» до 0,203.

Первый компонент был зависим от количества невыплаченных займов, растущих долговых обязательств и снижением вложений в акции из-за нестабильности финансового рынка. Невыплаченные займы росли на фоне заморозки активов и оттока депозитов, вложения в акции обвалились из-за волатильности индекса «Мосбиржи» (-44 % YTD) и отзывов лицензий у банков, усилив страх потерь. Второй – от отношения к будущему и планирования

финансов на короткие циклы в связи с растущей неопределенностью. Третий – от увеличения наличности, количества долгов и уменьшения вложений в ПИФы и облигации за счет стремления к текущему накоплению средств, усилению консерватизма к финансовым вложениям и за их потерю [5].

Шок 2022 года усилил консерватизм, но заложил основу для восстановления в 2024 г. за счет льгот и стабилизации [6]. В 2024 году финансовая культура достигла стабилизации на фоне экономических вызовов, с заметным ростом ключевых компонентов индекса. Высокие ключевые ставки ЦБ (до 21 % в декабре-2024) и инфляция (8-9 %) стимулировали переход от приобретения кредитов к накоплению сбережений. Балл по срочным вкладам поднялся до 0,236. Вклады и акции стабилизировали показатель, несмотря на спад инвестиций. Государственная поддержка социальных видов вкладов повысила долю сберегателей до 33 %.

В долгосрочных горизонтах население стало восстанавливать свое финансовое состояние и период планирования увеличился, отношение к покрытию долговых обязательств и рискам по ним стабилизировалось (рост до 0,595). Доверие повысилось за счет роста вложений в изучаемые финансовые инструменты и снижения процента хранения наличности для поддержания ранней «подушки безопасности».

Проводя исследование, авторами работы были определены следующие ограничения и допущения [7].

1. Отдельные вопросы нельзя однозначно интерпретировать строго в рамках лишь одного компонента. Например, наличие полиса страхования жизни может свидетельствовать как о принятии личной ответственности за риски, так и о наличии долгосрочных горизонтов планирования. Распределение вопросов по компонентам является аналитическим допущением и может влиять на итоговые значения субиндексов. Для таких вопросов в процессе подсчета индекса значения для каждого компонента умножались на 0,5 для корректировки итогового значения и присвоения каждому вопросу коэффициента, равного 1.

2. В рамках методики мы исходим из предположения, что наблюдаемые поведенческие практики (например, наличие срочного вклада) могут служить валидным индикатором глубинных ценностных установок, в частности ответственности. При этом мы допускаем, что макроэкономические факторы (такие как уровень ключевой ставки) выступают лишь внешним фоном, не искажающим принципиальным образом эту взаимосвязь.

3. Методология расчета индекса основывается на допущении, что ответы респондентов полностью отражают их реальное поведение и установки. Однако данные, полученные методом опроса, подвержены систематической ошибке, связанной с эффектом социальной желательности. Респонденты могут давать ответы, которые, по их мнению, являются общественно одобряемыми.

4. В методике отдельным вариантам ответа «отказ» присвоены ненулевые баллы. Данное решение основано на предположении о специфике финансового поведения российских домохозяйств, связанной с культурным кодом: недоверием к раскрытию информации о личных финансах и укоренившейся практикой сокрытия сведений об активах. В этом контексте отказ может интерпретироваться не как отсутствие финансовых практик, а, скорее, как косвенное подтверждение вовлеченности в финансовые отношения, сопровождающееся настороженностью к разглашению деталей. Присвоение нулевого балла за отказ нивелировало бы эту специфику и могло привести к систематическому занижению реального уровня финансовой активности. Вместе с тем мы признаем, что подобное допущение вносит элемент неопределенности, поскольку отказ может быть мотивирован и иными причинами.

5. Отдельные формулировки вопросов подвергались корректировке. Подобные модификации, несмотря на сохранение общей смысловой направленности вопросов, нарушают строгую сопоставимость данных во времени. Это создает ограничение, при котором наблюдаемые колебания показателей могут отражать не столько трансформацию финансовых установок респондентов, сколько эффект обновления самого измерительного инструмента.

Проведенное исследование позволило сформировать целостную картину финансовой культуры населения России в период с 2015 по 2024 год. Для анализа была разработана методика расчета индекса финансовой культуры, основанного на трех компонентах: ответственность, долгосрочные горизонты и доверие. Расчет индекса по разработанной формуле средней арифметической показал, что динамика финансовой культуры носит волнообразный, цикличный характер, изменяющийся в результате периодов экономического спада и роста, кризисов и стагнации, изменений государственной политики и особенностей финансового рынка.

Показатели финансовой культуры демонстрируют значительную связь с состоянием экономики. Экономические кризисы 2015, 2020 и 2022 годов негативно сказались на всех компонентах, а благоприятные условия, характеризующие 2018 и 2024 годы, государственная поддержка, улучшение состояния экономики страны способствовали улучшениям показателя и стабилизации финансовой культуры в целом.

Компонент ответственности оказался чувствительным к изменениям ключевой ставки ЦБ РФ и объему частных займов, меняющемуся в результате цикличности экономики. Период пандемии и санкционного давления привел к существенному росту числа невыплаченных займов и уменьшению объемов сбережений в акциях, вкладах и других финансовых инструментах.

Уровень доверия демонстрировал наибольшую чувствительность к внешним экономическим условиям, однако меры государственной поддержки, направленные на стабилизацию финансового рынка, влияли на его восстановление и стабилизацию.

Наибольший рост наблюдался в компоненте долгосрочных горизонтов, что происходило благодаря заинтересованности граждан в формировании долгосрочных финансовых резервов, иногда снижающейся в связи с трудными финансовыми ситуациями и кризисами в стране.

Методология расчета индекса показала интерпретируемость текущей экономической ситуации изученных периодов. Индекс позволил создать механизм оценки финансовой культуры разных слоев населения. Однако были выявлены ограничения и допущения, связанные с возможностью компенсации негативных значений одного компонента положительными показателями другого.

Таким образом, проведенное исследование волн индивидуальных опросников подчеркивает необходимость постоянного изучения финансовой культуры населения, своевременного реагирования на экономические изменения и разработки эффективной государственной политики в области финансовой грамотности. Индекс позволяет отслеживать проблемные зоны финансового рынка со стороны непосредственных потребителей и заемщиков. Полученные результаты дают понимание для выстраивания стратегии, направленной на укрепление финансовой устойчивости граждан, повышения их финансовой грамотности и культуры и развития стабильной финансовой среды в стране. Работа служит основой для создания адаптивных подходов к обучению финансовой культуре, совершенствованию инфраструктуры финансовых рынков и разработке рекомендаций по повышению качества предоставляемых финансовых услуг.

Список источников

1. Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 № 2958-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 44, ст. 7618.
2. OECD/INFE Toolkit for Measuring Financial Literacy and Financial Inclusion [website]. URL: https://www.oecd.org/ (date of access: 12.02.2026).
3. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2017 № 436-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 1, ст. 23.
4. Обзор рисков финансового рынка (декабрь 2025 – январь 2026) // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/59637/ORFR_2025-12_2026-01.pdf (дата обращения: 20.08.2026).
5. Аузан А., Богомолова А., Кокорев Р. Индекс финансовой культуры: подходы к разработке и измерению // Деньги и кредит. – 2025. – Т. 84, № 3. – С. 94-114.
6. 5 экономических кризисов современной России // Berner & Stafford : [сайт]. URL: https://bernerandstafford.ru/5-ekonomicheskih-krizisov-sovremennoj-rossii/ (дата обращения: 16.07.2026).
7. Методология расчёта индекса финансовой грамотности // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/44101/publ_15022018(2).pdf (дата обращения: 12.04.2026).

Статья поступила в редакцию 28.08.2026; одобрена 07.09.2026; принята к публикации 14.09.2026.
The article was submitted 28.08.2026; approved after reviewing 07.09.2026; acceped for publication 14.09.2026.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC-LEGAL (STATE-LEGAL) SCIENCES

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 346.56

Особенности правового регулирования защиты имущества граждан и организаций от мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Иван Вадимович Листратов
Владимирский филиал РАНХиГС, Владимир, Россия
listratov-iv@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам обеспечения защищенности имущества физических и юридических лиц в условиях увеличения масштабов проблемы дистанционного мошенничества. Автор отмечает комплексный характер данного явления, показывает различные подходы к борьбе с ним на основе анализа принимаемых на современном этапе актов федерального законодательства, позиций представителей отечественной науки. В работе показано многообразие форм мошеннических посягательств на собственность с использованием современных технологий, обоснована необходимость их учета при совершенствовании правового регулирования в данной сфере и разработке эффективных профилактических мер.

Ключевые слова: защита имущества, частная собственность, дистанционное мошенничество, правовое регулирование, информационно-телекоммуникационные технологии (ИТТ), меры противодействия, законодательные меры

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта молодым ученым во Владимирской области (Распоряжение Правительства Владимирской области от 09.07.2026 № 351-р).

PUBLIC-LEGAL (STATE-LEGAL) SCIENCES

Original article

Features of legal regulation of protection of citizens' and organizations' property from fraud committed using information and telecommunication technologies

Ivan V. Listratov
Vladimir Branch of RANEPA, Vladimir, Russia
listratov-iv@ranepa.ru

Abstract. The article is devoted to current issues related to ensuring the protection of property owned by individuals and legal entities in the context of the growing scale of the problem of remote fraud. The author highlights the complex nature of this phenomenon and outlines various approaches to combating it based on an analysis of federal legislation adopted at the present stage and the positions of representatives of domestic science. The paper demonstrates the variety of forms of fraudulent attacks on property using modern technologies and justifies the need to take them into account when improving legal regulation in this area and developing effective preventive measures.

Keywords: property protection, private property, remote fraud, legal regulation, information and telecommunication technologies (ITT), countermeasures, legislative measures

This article was prepared with financial support from a grant for young scientists in the Vladimir Region (Order of the Government of the Vladimir Region No. 351-r dated July 9, 2026).

© Листратов И.В., 2026

На сегодняшний день формирование в Российской Федерации цифровой экономики обусловливает перенос в виртуальную среду большого объема общественных отношений. Профессиональное, коммерческое, административное и бытовое взаимодействие между гражданами, организациями, государством тесно переплетается с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), цифровых сервисов, услуг онлайн-банкинга и постоянным осуществлением безналичных расчетов. С одной стороны, в таких условиях отношения между экономическими субъектами получают безграничные возможности для развития ввиду ускорения процессов обмена информацией, дистанционного проведения любых хозяйственных операций, но, с другой стороны, повсеместное внедрение ИТТ неизбежно порождает ряд угроз для собственности физических и юридических лиц. Одной из таких угроз выступают мошеннические посягательства на имущество граждан и организаций, совершаемые с использованием ИТТ, именуемые в юридической литературе общим термином «дистанционное мошенничество» [7, с. 93].

Развитие технологий, используемых в том числе и злоумышленниками в противоправных целях, на современном этапе происходит настолько быстро, что требует постоянной корректировки нормативной правовой базы с учетом особенностей различных форм дистанционного мошенничества, разработки и внедрения новых методов выявления и раскрытия соответствующих преступных деяний, поиска наиболее эффективных мер защиты собственности от рассматриваемой угрозы. Многие авторы, например, Ж. Баубекова, Е. С. Носова, Н. А. Кабанова, сходятся во мнении, что для борьбы с ней требуется развивать «меры безопасности и законодательство, способные адаптироваться к быстро меняющемуся цифровому ландшафту» [5, с. 7]. Большое внимание в их работах также уделяется укреплению кибербезопасности и повышению осведомленности общества.

В условиях актуальности проблемы защиты имущества от дистанционного мошенничества следует отметить возрастание интереса к данной теме в юридическом научном сообществе, представители которого стремятся выработать рекомендации по совершенствованию отечественного законодательства в этой области, исходя из анализа различных аспектов. Например, изучению многообразия современных форм финансового мошенничества, включая «цифровое», посвящена работа И. И. Рахмеевой и С. В. Попковой, в рамках которой исследователями отмечена важность учета не только технических способов осуществления мошеннических действий, но и поведенческих реакций отдельных категорий населения на разные способы воздействия [8, с. 57]. С применением статистического анализа к формированию рекомендаций подходят В. Ю. Скрипниченко и О. Н. Исаева [9], а ряд правоведов, среди которых С. Л. Кисленко, А. Д. Фокин, вырабатывают предложения по развитию законодательства и правоприменения на основе исследования криминологических и криминалистических аспектов [6]. Кроме того, некоторые авторы делают акцент на защите от дистанционного мошенничества отдельных видов имущества, например, Н. А. Табакова и А. В. Проценко в своей работе сосредоточили внимание на жилых помещениях [10].

Анализ приведенных работ и правоприменительной практики позволяет в самом общем виде выделить две типичные формы посягающего на имущество граждан и организаций мошенничества, совершаемого с использованием ИТТ – телефонное мошенничество и интернет-мошенничество. Каждая из форм отличается внутренним многообразием, более того, непрерывно разрабатываются и регулярно фиксируются новые и все более нетривиальные схемы. К распространенным схемам телефонного мошенничества относят звонки от «службы безопасности банка», лжесотрудников правоохранительных органов и операторов связи, звонки категории «родственник в беде» и иные вариации вишинга, направленного на сообщение злоумышленникам конфиденциальной информации или прямое отчуждение имущества. Интернет-мошенничество не менее разнообразно: это и фишинг с созданием поддельных сайтов для получения от жертвы данных авторизации, банковской карты, СМС-кодов, и мошенничество в социальных сетях через взломанные

или фейковые аккаунты, и многочисленные схемы на онлайн-площадках для объявлений, инвестиций и т.д.

Правовое регулирование, динамика которого предопределена высокими темпами развития ИТТ и мошеннических схем, должно бороться со всеми проявлениями посягательств на собственность, предусматривая как универсальные меры противодействия, так и точечные приемы, рассчитанные на специфику той или иной формы дистанционного мошенничества.

Действующее законодательство, развивая конституционные положения об охране частной собственности, предусматривает уголовную ответственность за мошенничество с использованием ИТТ, установленную статьей 159 Уголовного кодекса РФ как общей уголовно-правовой нормой и специальными нормами для ряда составов [1]. Разграничение закрепленных в УК РФ составов мошенничества и анализ правил квалификации, проблемных аспектов конкуренции, сложностей их законодательной концептуализации выступают предметом отдельного исследования. Однако очевидно, что в силу высокой сложности и комплексности явления проблема выходит далеко за пределы уголовного права.

Действительно, эффективная защита имущества от рассматриваемых посягательств невозможна лишь путем введения или совершенствования диспозиций и санкций норм УК РФ, она требует разработки обширного комплекса мер борьбы и профилактики с задействованием инструментария различных отраслей публичного права, включая финансовое, банковское и административное право. Ярким подтверждением сказанного служат фактически профильные для исследуемой проблемы нормативные правовые акты, принятые за 2025-2026 годы для комплексного противодействия распространению дистанционного мошенничества, профилактики различных его форм, а также минимизации материального ущерба и иных негативных последствий.

Одним из первых актов федерального законодательства, закрепившим совокупность мер по защите имущества от ИТТ-мошенничества, стал Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ, посвященный созданию государственной информационной системы противодействия данным противоправным деяниям [2]. Согласно положениям статьи 1, данная система призвана обеспечить осуществление оперативного обмена информацией между цифровыми платформами, банками и органами власти, способствуя своевременному выявлению признаков осуществления противоправной деятельности и ее пресечению, в том числе в режиме автоматического мониторинга и с применением единой биометрической системы.

Дополнительные требования профилактического характера предъявляются к работе операторов услуг связи, например, связанные с обязательной идентификацией пользователей, передачей абонентам сведений о совершении звонка представителем организации – банка, компании оператора и т.д. Документом предусматривается и закрепление обязанностей операторов услуг связи по обязательному и своевременному предоставлению сведений, запрашиваемых правоохранительными органами при осуществлении ОРД, через систему межведомственного электронного взаимодействия (соответствующие полномочия для компетентных органов также предусмотрены в тексте закона), по информированию абонентов о том, что входящий звонок совершается из-за рубежа или посредством сети «Интернет». Такое информирование должно осуществляться оператором безвозмездно с обязательным отображением на пользовательском оборудовании. Кроме того, вводимые изменения регулируют оказание операторами услуг связи с использованием сим-боксов и виртуальных телефонных станций.

Помимо этого, положения Федерального закона запрещают сотрудникам кредитных организаций, госорганов, операторов связи взаимодействовать с гражданами через иностранные сервисы обмена мгновенными сообщениями и предусматривают запреты на оборот технических средств для недопущенных иностранных спутниковых систем связи, а также на передачу третьим лицам мобильных сим-карт.

В 2026 году свет увидели новые акты федерального законодательства, дополнившие систему публично-правовых мер в рас-

сматриваемой области. Так, Федеральный закон от 26.06.2026 № 199-ФЗ направлен на укрепление мер профилактики и противодействия ИТТ-мошенничеству через установление административной ответственности для владельцев сайтов и информационных систем за неисполнение обязанности проводить авторизацию пользователей при предоставлении доступа к информации, требований к применению рекомендательных технологий и требований Роскомнадзора о прекращении предоставления информации с их применением. Предусмотрена административная ответственность операторов связи за нарушение правил взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [3].

Новый комплекс мер, направленных на защиту имущества граждан, также ввел Федеральный закон от 26.06.2026 № 210-ФЗ [4]. В частности, им предусмотрена возможность установления абонентами «самозапрета» на получение входящих вызовов из-за границы и введена маркировка таких звонков, ограничено количество платежных карт, выдаваемых одному физлицу, установлена необходимость уведомления оператора связи о передаче сим-карты родителем своему несовершеннолетнему ребенку.

Документ расширил функционал ГИС «Антифрод», закрепив возможности по оперативному направлению в ГИС через портал госуслуг сведений о фактах ИТТ-мошенничества, аккумулированию базы «мошеннических» номеров. Кроме того, если собственник утратит имущество против своей воли из-за несоблюдения установленных требований банком или оператором связи, на последних будут возлагаться обязанности по компенсации ущерба.

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время правовое регулирование защиты имущества физических и юридических лиц от мошенничества, совершаемого с использованием ИТТ, находится в центре внимания государственных органов, научного сообщества и подвергается последовательной трансформации. Законотворческая деятельность затрагивает различные аспекты данной проблемы и учитывает ее комплексный характер, в силу которого проблема противодействия современным мошенническим посягательствам на собственность выходит далеко за пределы уголовного права, нормы которого не могут охватить все стороны данного явления для эффективного обеспечения безопасности имущественных прав субъектов цифровой экономики.

Рассмотренное многообразие форм дистанционного мошенничества и его сложность обусловливают потребность в разработке большого комплекса разноплановых мер с использованием интегрированного инструментария различных отраслей права, среди которых на первый план начинают выходить публично-правовые отрасли, о чем свидетельствуют наиболее актуальные акты отечественного законодательства. Систематическое развитие взаимосвязанных и взаимодополняющих норм административного, финансового, банковского права, законодательства о связи и информационных технологиях свидетельствует об осознании многоаспектности проблемы, выработке согласованных мер, правил поведения всех участников соответствующей области общественных отношений. При описанных условиях в перспективу научных исследований закладываются системный мониторинг и анализ последствий принятых в рамках законотворческой работы решений, оценка эффективности разработанных мер по защите имущественных прав физических и юридических лиц.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ : ред. от 04.08.2026 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.
2. О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ : ред. от 26.07.2026 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2025. – № 14, ст. 1574.

3. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 26.06.2026 № 199-ФЗ // Рос. газ. – 2026. – № 141-142.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 26.06.2026 № 210-ФЗ // Рос. газ. – 2026. – № 141-142.
5. Баубекова Ж., Носова Е.С., Кабанова Н.А. Мошенничество: социальное влияние и роль цифровых технологий в его распространении // Вестник евразийской науки. – 2024. – № 1S. – С. 1-9.
6. Кисленко С. Л., Фокин А. Д. Личность современного телефонного мошенника в сфере оборота жилых помещений: правовой и криминалистический аспекты // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 8 (177). – С. 133-146.
7. Мальченкова В. В., Мальченков Е. В., Сологубов А. Ю. Дистанционное мошенничество как новая угроза современному обществу // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 2 (34). – С. 91-95.
8. Рахмеева И. И., Попкова С. В. Формы финансового мошенничества в современном мире // Цифровая социология. – 2025. – № 2. – С. 55-64.
9. Скрипниченко В. Ю., Исаева О. Н. Мошенничество как угроза экономической безопасности государства // Исследование проблем экономики и финансов. – 2022. – № 1. – С. 1-12.
10. Табакова Н. А., Проценко А. В. Профилактика дистанционных хищений, связанных с лишением граждан права собственности на жилье // Общество и право. – 2025. – № 4 (94). – С. 12-17.

Статья поступила в редакцию 28.08.2026; одобрена 07.09.2026; принята к публикации 14.09.2026.
The article was submitted 28.08.2026; approved after reviewing 07.09.2026; acceped for publication 14.09.2026.

Научная статья
УДК 342.3

Государственный суверенитет как объект правоотношений в сфере просвещения

Андрей Владимирович Путинцев
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия
chiefdom@yandex.ru

Аннотация. В статье ставится проблема конструирования просветительского правоотношения в контексте комплексного использования средств правового воздействия и правового регулирования при проектировании современной государственной идеологической политики. Аргументируются преимущества плюралистичной модели объекта правоотношения для анализа воспитательных правоотношений. В качестве элементарного объекта такого правоотношения рассматривается государственный суверенитет, отмечаются теоретические и практические проблемы, связанные с правовым просвещением.

Ключевые слова: правовое просвещение, государственная политика, традиционные ценности, правоотношение, документы стратегического планирования

Original article

State Sovereignty as an Object of Legal Relations in the Field of Enlightenment

Andrey V. Putintsev
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
chiefdom@yandex.ru

Abstract. This article addresses the problem of constructing educational legal relationships in the context of the integrated use of legal influence and legal regulation in the development of modern state ideological policy. The advantages of a pluralistic model of the object of legal relationships for analyzing educational legal relationships are argued. State sovereignty is considered as the elementary object of such a legal relationship, and theoretical and practical problems associated with legal education are highlighted.

Keywords: legal education, public policy, traditional values, legal relations, strategic planning documents

Современный этап развития российского общества характеризуется возвращением государства как субъекта идеологической политики, ищущего способы влияния на общественное сознание как отдельных групп (например, молодежи, см. [3]), так и всего общества в целом. Традиционно, как минимум со времен С. С. Алексеева, различают, с одной стороны, правовое регулирование как программирование общественных отношений посредством установления прав и обязанностей их участников и с другой – правовое воздействие, к которому помимо правового регулирования относят иные формы правового влияния на внеправовые явления социальной жизни.

Можно утверждать, что государство, формируя и реализуя политику в сфере общественного сознания, идет сейчас по пути правового воздействия, при этом формой закрепления опосредующих это воздействие юридических конструкций выступают в основном документы стратегического планирования, хотя можно отметить и изменения на уровне законодательства[1]. Были приняты Указы Президента Российской Федерации от

© Путинцев А.В., 2026

1 См., например, новеллы, дополнившие федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» статьей 12.2 под названием «Общие требования к осуществлению просветительской деятельности».

9 ноября 2022 года № 809 и от 8 мая 2024 года № 314, утвердившие Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения соответственно. Актуализирована разработка новой редакции Основ государственной политики Российской Федерации в сфере повышения правовой грамотности и правосознания граждан, которая по своим задачам тоже направлена на просвещение, но уже правовое.

Однако государство, регулируя эти отношения, вынуждено прибегать к правовому регулированию, конструируя модели правовых отношений. Как отмечает Н. С. Волкова, в настоящий момент регулятивное воздействие в сфере воспитания и воспитательной политики развивается в рамках как образовательного законодательства, так и в других сопряженных отраслях (информационной, административного законодательства). По мнению ученого, «такая разрозненность правового регулирования, отражающая многоаспектность и многомерность данного социального института, может быть преодолена формированием единой палитры воспитательных правоотношений как одного из важнейших факторов сохранения единства и целостности российского общества в условиях глобальных вызовов» [2, с. 35].

Решение этой амбициозной задачи предполагает учет классической модели структуры правоотношения (в данном случае – воспитательного или просветительского), которая предполагает субъект, объект и содержание в виде прав и обязанностей. При этом с точки зрения плюралистического подхода объектом правоотношения выступают различные блага, на которые направлены права и обязанности участников правоотношения. Думается, что правоотношения в области просвещения в числе прочего направлены на процесс трансляции определенной информации реципиенту, которая должна завершиться результатом - усвоением реципиентом соответствующей информации, в которой, в свою очередь, можно выделить форму и содержание. Представляется, что плюралистический подход, позволяющий учесть нематериальные блага, результат реализации прав и обязанностей и само поведение участников, является для конструирования и анализа воспитательных правоотношений более перспективным, чем монистический.

В содержании транслируемой информации тоже можно выделить определенные элементы, своеобразные информационные «сгустки»: различные концепции, идеи, ценности, переводимые в форму, в которой они могут быть интериоризированы адресатами – носителями индивидуального сознания. Публичное пространство в силу множества направлений информационного воздействия в настоящий момент насыщенно значительно плотнее, чем, например, в 1990-е, когда государство не участвовало активно в формировании идеологии. Целесообразно поэтому с технологической точки зрения наметить обширные направления, по которым должно идти информационно-правовое воздействие (традиционные ценности, правовые знания, исторические знания), а внутри направлений выделить более мелкие элементы (например, конкретная традиционная ценность, знание о Нюрнбергском трибунале и т. п.). При этом нужно иметь в виду системный характер влияния: ни один из условных кластеров не изолирован от других непроходимым барьером, а отдельные информационные сгустки могут быть отнесены к разным кластерам одновременно. К таковым относится и суверенитет.

Суверенитет является устоявшейся категорией государственно-правового мышления. Это одновременно и политическое, и юридическое понятие, и часть общих знаний из школьной программы. Однако эта категория имеет конституционное значение, пусть и упоминается в тексте Основного Закона лишь 6 раз.

В части 1 статьи 3 Конституции России народ провозглашается носителем суверенитета, в части 1 статьи 4 закреплено, что суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. В части 2.1 статьи 67 Конституции России, одной из новелл 2020 года, говорится, что Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности, причем в литературе отмечается первоочередной характер этой задачи [5, с. 41]. В новой редакции части 2 статьи 80 Конституции охрана суверенитета Российской Федерации относится к конституционным полномочиям Президента Россий-

ской Федерации, что подтверждается в последующих статьях этой же главы формулировкой присяги Президента народу, который, также в целях охраны суверенитета Российской Федерации, формирует Совет Безопасности.

Тем самым на конституционном уровне замыкается связка народа, который транслирует суверенитет на уровень Российской Федерации, которая, принимая его, придает ему территориальное измерение, обязуется защищать, и персонализирует эту функцию в лице всенародно избранного Президента. Учитывая практически ритуальный характер присяги, нельзя в таком подходе не увидеть своеобразный отголосок мифологии и эпоса: это практически сакральное действие с учетом особенного восточного пути Российского государства и восприятия. Все это позволяет сформулировать в духе политической теологии К. Шмитта, что суверенитет - не только юридическое понятие в системе других юридических понятий, но и своеобразный социальный конструкт, позволяющий осуществлять диалог и достигать общественного согласия.

В документах стратегического планирования, упомянутых в начале статьи, суверенитет увязан с традиционными ценностями, при этом последние выступают как его основа, но не как транслируемый объект или ценность. В доктрине также отмечается, «что преемственность в сохранении исторической памяти выступает в качестве основы обеспечения государственного суверенитета России и опирается на уважение памяти предков, сформировавших на протяжении веков ценностный фундамент самобытной России» [4, с. 35], ставится задача «все законодательные и подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие духовно-нравственное воспитание, необходимо привести в стройную и логичную систему, избегая их противоречий и пробельности» [4, с. 43].

Все это порождает ряд проблем и делает возможным высказать следующие соображения.

1. В связи со сказанным возникает парадокс: категория «суверенитет» важная, даже системообразующая, но специальная просветительская деятельность по ее поводу не проводится. Возможно, это потому, что эта категория кажется очевидной для всех. Но не является ли она очевидной лишь для разработчиков государственной политики, имеющих профильное образование? Если верно первое предположение, то разъяснять эту категорию не стоит, поскольку пересмотр очевидных всем вещей приводит к социальной эрозии, примером чего является, например, французский постмодернизм и связанные с ним явления. Однако если верно второе предположение, разъяснительная работа по поводу содержания категории «государственный суверенитет» необходима для обеспечения устойчивой коммуникации личностей между собой и государства с ними.

Поэтому необходимо установить восприятие суверенитета носителями непрофессионального правосознания. Нужно учитывать, что это слово часто используется в экспертном дискурсе, который благодаря политическим ток-шоу приблизился к массам. С другой стороны, нужно учитывать, что оно обогатилось рядом оттенков, говорят о культурном, цифровом, правовом суверенитете. Тем самым суверенитет дробится, получает привязку к сфере, при этом имплицитно подразумевается, что суверенитет – это всегда какая-то ценность, позволяющая защитить наше сообщество. Обыватель может быть дезориентирован множеством этих оттенков.

В дальнейшем поддерживать усилия тех или иных участников по строительству общественно-политического дискурса необходимо с учетом принятых решений. Выражения типа «культурный, цифровой и иной суверенитет» должны использоваться в четком соответствии с легальными дефинициями (при их наличии). Также нужно исходить из того, что содержание этих дефиниций должно согласовываться как с актуальным содержанием правосознания граждан, так и с перспективным - с учетом того, что новые дефиниции будут доведены до сведения адресатов просветительской информации. Разнобоя в использовании терминов вряд ли можно избежать, но следует стремиться к приведению языка официальных документов, языка публичных спикеров и языка обыкновенных граждан к общему знаменателю.

2. С другой стороны, нужно учитывать не только то, какая информация транслируется, но и какой принцип лежит в основе трансляции. Какими средствами она должна формироваться? Сакрализирующими и пропагандистскими (в духе политической теологии К. Шмитта)

или рациональными и просветительскими (в духе идей И. Канта)? Решить эту дилемму необходимо, в зависимости от того, какой тип мышления и восприятия суверенитета является желательным с точки зрения задач государственной политики.

3. Необходимо учитывать, что в сфере просвещения действуют не только государственные, но и внегосударственные акторы, некоторые из которых имеют свои цели. В этом смысле нужно учитывать возможную борьбу за значение слов и перехват инициативы дискурса. Например, в хорошо написанной научной статье указывается на концепцию суверенитета личности [1]. С академической точки зрения с этим можно согласиться. Однако концепция суверенитета личности - это западная концепция, противопоставлявшая человека и государство. Целесообразно ли использовать вне академической сферы слово суверенитет для характеристики роли личности в контексте российской цивилизации, где это противопоставление было значительно мягче? Но возможен ли отказ от нее, с учетом того, что интересы и благополучие отдельной личности также должны учитываться государством? Это предстоит осмыслять и рефлексировать в каждом случае отдельно, с учетом целей и задач государственной политики.

4. Необходимо задать четкий контекст с точки зрения проблемы разграничения документов стратегического планирования, является ли государственный суверенитет правовой, политической или исторической категорией, либо выявить в нем соответствующие аспекты. Это необходимо, чтобы решить, в каком объеме он должен попадать в планы и программы, реализуемые на основании документов стратегического планирования? Иначе есть риск, что эта категория не окажется нигде, подобно тому, как в План мероприятий по реализации в 2024-2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденный Распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 июля 2024 года № 1734-р, не попали мероприятия по сохранению и укреплению прав человека, включенных в эти Основы в качестве сохраняемой и укрепляемой ценности.

5. Нужно учитывать, что с проблематикой суверенитета связаны и другие сложные вопросы. Например, в литературе отмечается, что правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации являются важным источником развития доктрины государственного суверенитета, в частности, Конституционный суд Российской Федерации поставил точку в вопросе о суверенитете субъектов Российской Федерации [6, с. 29-31]. Отчасти это решение закрепило символическое значение категории «суверенитет» в российском законодательстве. Стоит ли погружаться в эти материи в правовом просвещении, не кажутся ли они излишне узкопрофессиональными?

Автор, длительное время преподававший Основы правоведения и противодействия коррупции в Казанском (Приволжском) федеральном университете, давал студентам в качестве задания эссе о правовом статусе республики в составе Российской Федерации. Анализ его результатов показывает, что многие студенты не до конца рефлексируют значение независимости, верховенства власти и их сочетания с концепцией суверенитета, что может привести к различным неверным трактовкам в восприятии формы взаимодействия субъекта своего места жительства с Российской Федерацией. Очевидно, что недружественные силы могут использовать данные недопонимания для разжигания экстремистских настроений.

6. Во-вторых, нужно понять, знание о суверенитете, ценностные установки, возможные навыки или умения мы будем транслировать. Это всё взаимосвязанные аспекты, требующие, однако, различного методического подхода.

Отмеченные обстоятельства иллюстрируют необходимость как учета в просвещении частной проблемы государственного суверенитета, так и более целостной проработки концепции государственного видения в этой сфере.

Список источников

1. Баранов В. М., Ромашов Р. А. Суверенитет личности: от персоналистского государственно-правового «Мы» к личностному гражданскому «Я» // Журнал российского права. – 2026. – Т. 30, № 3. – С. 14-29.

2. Волкова Н. С. Воспитание как государственно значимая деятельность: правовые аспекты // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 11. – С. 26-37.
3. Дубень А. К. Правовое просвещение молодежи: теоретические аспекты, проблемы и пути и решения // Ученые записки. – 2026. – № 1 (57). – С. 29-32.
4. Петюкова О. Н. Преемственность в сохранении исторической памяти как основа обеспечения государственного суверенитета России // Журнал российского права. –2025. – Т. 29, № 4. – С. 32-47.
5. Семыкина О. И. Суверенитет государства - правовая основа действия уголовного закона в пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 4. – С. 37-47.
6. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правововое исследование) : научно-практическое пособие / отв. ред. И. И. Кучеров, С. Л. Нудель, О. И. Семыкина. – М. : Проспект, 2023. – 352 с.

Статья поступила в редакцию 28.08.2026; одобрена 07.09.2026; принята к публикации 14.09.2026.
The article was submitted 28.08.2026; approved after reviewing 07.09.2026; acceped for publication 14.09.2026.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

REGIONAL ECONOMY

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья
УДК 336.719

ESG-компетенции сотрудников банка как институциональное ограничение развития устойчивого кредитования в регионах: барьеры и пути преодоления

Андрей Александрович Виноградов[1], Ольга Александровна Корнилова[2]
[1] Управления кредитования и проектного финансирования Волго-Вятского банка ПАО «Сбербанк», Владимир, Россия
[2] Владимирский филиал РАНХиГС, Владимир, Россия
[1] andrvinogradov@yandex.ru
[2] kornilova-oa@ranepa.ru

Аннотация. В статье исследуется дефицит ESG-компетенций как ключевой институциональный барьер масштабирования устойчивого кредитования в региональных банках. Выявлены институциональные разрывы между стратегиями центра и операционной рутиной регионов. Научная новизна заключается в смещении фокуса на микроуровень – человеческий капитал как носитель неявного междисциплинарного знания. Предложена модель преодоления кадрового дефицита через региональные центры ESG-компетенций, стандартизацию квалификаций и интеграцию гибридных навыков в банковский андеррайтинг.

Ключевые слова: ESG-банкинг, ESG-компетенции, устойчивое кредитование, человеческий капитал, институциональные ограничения, региональные банки

REGIONAL ECONOMY

Original article

ESG competences of bank employees as an institutional constraint to the development of sustainable lending in the regions: barriers and ways to overcome them

Andrey A. Vinogradov[1], Olga A. Kornilova[2]
[1] Lending and Project Financing Department of the Volga-Vyatka Bank of Sberbank PJSC, Vladimir, Russia
[2] Vladimir Branch of RANEPA, Vladimir, Russia
[1] andrvinogradov@yandex.ru
[2] kornilova-oa@ranepa.ru

Abstract. This article examines the shortage of ESG competencies as a key institutional barrier to scaling sustainable lending in regional banks. Institutional gaps are identified between central-office strategies and regional operational routines. The scientific novelty lies in shifting the focus to the micro level – human capital as a carrier of tacit interdisciplinary knowledge. A model for overcoming the personnel deficit is proposed, involving regional ESG competence centers, standardization of qualifications, and integration of hybrid skills into bank underwriting.

Keywords: ESG banking, ESG competencies, sustainable lending, human capital, institutional constraints, regional banks

© Виноградов А.А., Корнилова О.А., 2026

Структурная трансформация российского финансового сектора в направлении устойчивого кредитования представляет собой не столько технологический, сколько институциональный вызов. По оценкам «Эксперт РА», объем портфеля ESG-кредитов российских банков за период с июля 2024 г. по июль 2025 г. вырос в 1,5 раза, достигнув 8 трлн. руб. [9], а к середине 2026 г. может увеличиться до 11 трлн. руб. при сохранении текущих тенденций. При этом, по данным Национального рейтингового агентства (НРА), средняя доля ESG-кредитов от общего кредитного портфеля банков составляет порядка 11 % [10], что свидетельствует о значительном потенциале роста данного сегмента.

Однако количественный рост рынка скрывает фундаментальную проблему: структурная трансформация банковского сектора наталкивается на институциональное ограничение, связанное с человеческим капиталом на местах. По данным Банка России, менее трети опрошенных кредитных организаций формально идентифицируют ESG-кредиты в своих портфелях, что свидетельствует не об отсутствии сделок как таковых, а о дефиците компетенций в области учета и идентификации таких инструментов [11]. Согласно опросам hh.ru, 85 % предприятий финансового сектора испытывают кадровый голод, а количество банковских вакансий за пять лет выросло на 38 %.

В российской научной литературе вопросы ESG-трансформации банковского сектора рассматриваются преимущественно через призму макроэкономической политики, регуляторных стимулов и институциональной среды. При этом практически отсутствуют работы, связывающие кадровый дефицит в региональных банковских подразделениях со скоростью внедрения новых финансовых инструментов (ESG). Настоящее исследование призвано восполнить данный пробел.

Цель настоящего исследования – выявить и систематизировать институциональные ограничения, связанные с ESG-компетенциями сотрудников региональных банковских подразделений, и предложить пути их преодоления.

Под ESG-компетенцией понимается не просто информированность (грамотность), а способность сотрудника применять междисциплинарные знания для принятия кредитных решений с учетом ESG-факторов, включая идентификацию, оценку и мониторинг соответствующих рисков.

Методологической базой исследования выступают три взаимодополняющие концепции.

1. Институциональная теория Д. Норта – позволяет рассматривать ESG-компетенции как элемент институциональной среды, которая может как способствовать, так и препятствовать структурной трансформации. Согласно данному подходу, «правила игры» в банковском секторе определяются не только формальными предписаниями (инструкции Банка России), но и неформальными нормами – уровнем квалификации, профессиональной культурой, рутинами принятия решений.

2. Ресурсная концепция (RBV) – человеческий капитал трактуется как стратегический ресурс, способный создавать устойчивое конкурентное преимущество. Применительно к ESG-банкингу данная концепция подчеркивает, что дефицит квалифицированных кадров на региональном уровне превращается в институциональный барьер.

3. Концепция динамических способностей – способность организации к реконфигурации компетенций в ответ на изменения внешней среды. В контексте устойчивого кредитования это означает не просто набор знаний, а готовность к постоянному обновлению компетенций.

Международная эмпирическая база подтверждает универсальность проблемы. Согласно исследованию Toronto Finance International (TFI), 77 % финансовых специалистов в Азиатско-Тихоокеанском регионе сообщили о нехватке навыков в области устойчивого развития в своих организациях [12]. Опрос GCBC (2024) показал, что 75 % финансовых институтов в странах с формирующимся рынком (EMDEs) испытывают трудности с доступом к обучению и инструментам, необходимым для перехода к нулевым выбросам [13]. Исследование Открытого университета (Великобритания) выявило, что более 80 % компаний признают наличие пробелов в ESG-навыках по каждой из трех составляющих ESG (экология, социальная ответственность, корпоративное управление).

Особый интерес представляют работы вьетнамских исследователей, подчеркивающие структурный характер разрыва между спросом на ESG-специалистов и предложением квалифицированных кадров в условиях развивающихся рынков. Исследование Shahid et al. демонстрирует, как HRM-практики в банках Индии и Китая способ-

ствуют продвижению целей устойчивого развития (ЦУР 8, 10 и 13) через механизмы подбора, вознаграждения и обучения персонала [16].

В российской литературе ключевыми являются работы:

– Тимофеевой А. Г. «Обучение и развитие персонала как условие успешной ESG-трансформации российских банков», где проведен анализ роли обучения в процессе ESG-трансформации [7];

– Федотова С. Н., Чеховской И. А. The Current Status and Development Directions of ESG Banking in the Russian Federation, где приводятся данные о росте рынка ESG-кредитования и анализируются модели ESG-банкинга [8];

– Ермолаевой Ю. В. «Отраслевая характеристика реализации в России ESG-стратегий на рынке труда», посвященная отраслевому анализу ESG-практик [4].

Вместе с тем ни одна из перечисленных работ не фокусируется на проблеме регионального дисбаланса ESG-компетенций как фактора, сдерживающего развитие устойчивого кредитования.

Авторами предложена трехуровневая модель институционального разрыва, объясняющая природу дефицита ESG-компетенций (рисунок 1).

Рис. 1. Трехуровневая модель институционального разрыва ESG-компетенций

Макроуровень. Банк России предпринимает шаги по формированию регуляторной среды: опубликовано Информационное письмо № ИН-02-05/46 от 30.06.2023 с рекомендациями по разработке методологии ESG-рейтингов; введена Инструкция № 220-И, устанавливающая пониженные коэффициенты риска для приоритетных проектов устойчивого развития. Однако стандартизированные требования к ESG-компетенциям банковских сотрудников на уровне регулятора отсутствуют.

Мезоуровень. Как отмечает Ассоциация банков России, «одним из ограничений продвижения ESG-банкинга в России является недостаток информированности менеджмента и собственников банков относительно существа вопросов устойчивого развития, а также недостаток квалифицированных кадров в этой сфере». В региональных подразделениях банков проблема усугубляется: концентрация ESG-штабов в головных офисах создает организационный разрыв между центром и периферией.

Микроуровень. Исследование МГИМО выявило, что работодатели ожидают от ESG-специалистов следующих компетенций: интеграция принципов устойчивого развития в процессы

компании (91 %), отслеживание внешних факторов и трендов (85 %), формирование ESG-стратегии (82 %), анализ эффективности проектов (73 %), формирование нефинансовой отчетности (68 %) [5]. Междисциплинарный характер этих компетенций (стык финансов, экологии, права, риск-менеджмента) делает подготовку таких специалистов особенно сложной в региональных вузах.

Показательным примером успешной работы регионального банка на принципах ESG-банкинга является банк «Центр-инвест» – крупный региональный банк Юга России, единственный региональный банк в топ-10 ESG-рейтинга банков России. Банк внедрил экологическую проверку клиентов и проектов, системный мониторинг климатических рисков в рамках кредитного подразделения, разработал методологию ESG-рейтингования для МСП.

Однако данный случай является скорее исключением, чем правилом. Как отмечается в исследовании НРА, крупнейшие банки продолжают опережать других участников рынка в ESG-трансформации, а банки с базовой лицензией могут также занять в этой работе достойное место, но массового распространения ESG-практик среди региональных банков пока не наблюдается.

На основе проведенного анализа можно выделить три группы барьеров:

1) когнитивные – связаны с недостаточной осведомленностью менеджмента региональных банковских подразделений о принципах ESG-кредитования;

2) организационные – отсутствие систем обучения и развития ESG-компетенций на местах. Как показывает исследование UNSW Business School (2026), климатические стратегии банков не могут быть успешно реализованы, если они не встроены во внутренние системы управления персоналом, механизмы вознаграждения и организационную культуру. Исследование Prakoso et al. (2026) демонстрирует, что «способность банковского сектора оказывать позитивное влияние на переход от углеродных выбросов зависит не только от решений в отношении финансового капитала, но и от организационной структуры, дизайна рабочих мест и культурного соответствия» [15];

3) регуляторные – отсутствие стандартизированных квалификационных требований и независимой оценки ESG-компетенций. Как показывает международный опыт, формирование системы профессиональных стандартов и сертификации является необходимым условием масштабирования устойчивого финансирования.

На основе анализа лучших международных практик и российских реалий предлагается следующий комплекс мер.

1. Создание региональных центров ESG-компетенций на базе опорных университетов. Международный опыт (Сингапур, Вьетнам) свидетельствует об эффективности партнерства финансовых институтов с университетами для проактивного сотрудничества со школами и вузами в целях подготовки специалистов для индустрии устойчивого развития.

Финансирование деятельности таких центров предлагается реализовать на принципах государственно-частного партнёрства с использованием механизма софинансирования: региональные банки-участники формируют целевой фонд для покрытия операционных расходов и разработки образовательных модулей, а университет предоставляет материально-техническую базу и кадровый потенциал.

2. Стандартизация квалификационных требований к ESG-специалистам банковского сектора. По аналогии с международным опытом (ACCA Professional Diploma in Sustainability) необходимо разработать российский профессиональный стандарт «Специалист по ESG-банкингу».

3. Интеграция ESG-компетенций в систему независимой оценки квалификаций. Это позволит унифицировать требования к персоналу и создать объективную основу для аттестации сотрудников региональных банковских подразделений.

4. Разработка программ корпоративного обучения для действующих сотрудников. Исследование MDPI (2026) демонстрирует, что наращивание организационного потенциала оказывает значимое положительное влияние как на зеленые инновации, так и на устойчивое финансирование в малых банках на развивающихся рынках.

5. Внедрение системы мотивации, увязывающей KPI сотрудников с показателями ESG-кредитования. Как показано в исследовании Prakoso et al. (2026), климатические цели часто размещаются в структурных подразделениях с ограниченными полномочиями, что создает разрыв между декларируемой стратегией и внутренними стимулами.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, дефицит ESG-компетенций в региональных банковских подразделениях является значимым институциональным ограничением развития устойчивого кредитования в России.

Во-вторых, проблема носит многоуровневый характер: она проявляется на макроуровне (отсутствие стандартизированных требований), мезоуровне (организационный разрыв между столичными ESG-штабами и региональными подразделениями) и микроуровне (дефицит междисциплинарных компетенций у отдельных сотрудников).

В-третьих, российская научная литература практически не содержит работ, напрямую связывающих кадровый дефицит в региональных банковских подразделениях со скоростью внедрения ESG-инструментов. Настоящая статья является попыткой восполнить этот пробел, предлагая трехуровневую модель институционального разрыва и комплекс практических мер по его преодолению.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенных мер при формировании кадровой политики банков, разработке образовательных программ и совершенствовании регуляторной среды. Дальнейшие исследования могут быть направлены на количественную оценку влияния уровня ESG-компетенций на объемы и качество портфеля устойчивого кредитования в разрезе регионов.

Список источников

1. Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности собственных средств (капитала) банков с универсальной лицензией и об осуществлении Банком России надзора за их соблюдением : Инструкция Банка России от 26.05.2025 № 220-И // Банк России : [сайт]. URL: https://www.cbr.ru/faq_ufr/dbrnfaq/doc/forPrint?id=2260 (дата обращения: 28.04.2026).
2. О рекомендациях по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития) : Информационное письмо Банка России № ИН-02-05/46 от 30.06.2023 // Вестник Банка России. – 2023 – № 45 (2441).
3. Большаков С. Н. Кадры финансового сектора: состояние и новые компетенции, меняющие среду // Вестник РГГУ. Серия «Экономика и управление». – 2025. – № 1. – С. 3–14.
4. Ермолаева Ю. В. Отраслевая характеристика реализации в России ESG-стратегий на рынке труда // Финансовые рынки и банки. – 2022. – № 6. – С. 16-22.
5. «Зеленые» рабочие места в FinTech: международный опыт регулирования корпоративного обучения, поддержки занятости и кейс-стадии банковского сектора России // Банковское право. – 2024. – № 1. – С. 14–20.
6. Российским компаниям не хватает ESG-специалистов // Сберегаем вместе. – 2023. – 21 ноября.
7. Тимофеева А. Г. Обучение и развитие персонала как условие успешной ESG-трансформации российских банков // Московский экономический журнал. – 2022. – № 5. – С. 775–782.
8. Федотов С. Н., Чеховская И. А. The Current Status and Development Directions of ESG Banking in the Russian Federation // Вестник Волгоградского государственного технического университета. – 2026. – № 1. – С. 282–287.
9. Ширнина Е., Жанахова Е. ESG-триллионы: как развивается ответственное финансирование в России // Эксперт РА. – 2025. – 16 декабря. – URL: https://raexpert.ru/researches/sus_dev/esg_fin_rus_2025/ (дата обращения: 28.04.2026).
10. ESG в эпоху изменений: переплетение нарастающих реальностей устойчивых идеалов в финансовом секторе. ESG-рэнкинг финансовых компаний по итогам 2024 года: ежегодный аналитический обзор / Национальное рейтинговое агентство (НРА). – 2025. – Декабрь. URL: https://www.ra-national.ru/analitika/obzor-industrialnogo-finansovogo-sektora/ (дата обращения: 28.04.2026).
11. ESG-триллионы: как развивается ответственное финансирование в России // Эксперт РА. – 2025. – Декабрь.
12. APAC financial institutions struggle with ESG skill shortage // Asian Banking and Finance. – 2024. – June 27.

13. Building Capacity to Accelerate Climate Finance in Emerging Markets & Developing Economies // UN Sustainable Stock Exchanges Initiative. – 2025. – May 29.
14. Integrating ESG Practices into Sustainable Banking Governance: The Roles of Capacity Building, Green Competencies, Financial Technology, and Green Innovation in Advancing Sustainable Finance // Sustainability (MDPI). – 2026. – Vol. 18, No. 7. – Art. 3639.
15. Prakoso A., Schwarz G., Grant D. Can we bank on it? Aligning human capital and climate finance within the workplace // Personnel Review. – 2026. – Vol. 55, No. 2. – Pp. 683–699.
16. Shahid S., Kaur K., Patel P., Kumar S., Prikshat V. Integrating sustainable development goals into HRM in emerging markets: an empirical investigation of Indian and Chinese banks // International Journal of Manpower. – 2025. – Vol. 46, No. 4. – Pp. 792–815.

Статья поступила в редакцию 04.09.2026; одобрена 07.09.2026; принята к публикации 14.09.2026.
The article was submitted 04.09.2026; approved after reviewing 07.09.2026; acceped for publication 14.09.2026.

Научная статья
УДК 330.36

Трансформация концептуальных подходов к устойчивости высшего образования: экономические и институциональные вызовы (на примере вузов ФСИН России)

Иванна Ивановна Дерен[1], Алена Владимировна Соколова[2]
[1, 2] ВЮИ ФСИН России, Владимирский филиал РАНХиГС, Владимир, Россия
[1] deren-ivanna@yandex.ru
[2] sokolova.alenka@mail.ru

Аннотация. В представленной статье анализируется устойчивость системы высшего образования в условиях постоянно изменяющихся экономических и институциональных вызовов с акцентом на образовательные организации высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России). В ходе анализа бюджетных показателей, институциональных особенностей системы управления и международного опыта подготовки кадров для пенитенциарных систем обосновывается необходимость трансформации не только традиционных моделей финансирования, но и самой системы организации высшего образования уголовно-исполнительной системы. Делается вывод о том, что устойчивость системы ведомственного образования достигается при пересечении макроэкономических, мезоэкономических и внутривузовских факторов. При этом дуализм управления и статичность портфеля образовательных программ является факторами, ограничивающими вклад вузов ФСИН России как в региональное развитие, так и в современную технологическую повестку. Предлагаемые направления трансформации ведомственной системы образования (модернизация структуры подготовки, усиление практико-ориентированности, развитие институциональной гибкости) направлены на повышение социально-экономической эффективности высших учебных заведений ФСИН России.

Ключевые слова: высшее образование, экономика образования, уголовно-исполнительная система, экономические вызовы, трансформация, факторы устойчивости

Original article

Transformation of conceptual approaches towards the sustainability of higher education: economic and institutional challenges (by the example of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia)

Ivanna I. Deren[1], Alena V. Sokolova[2]
[1, 2] VLI of the FPS of Russia, Vladimir Branch of the RANEPA, Vladimir, Russia
[1] deren-ivanna@yandex.ru
[2] sokolova.alenka@mail.ru

Abstract. The presented article analyzes the stability of the higher education system in the face of constantly changing economic and institutional challenges with an emphasis on educational organizations of higher education of the Federal Penitentiary Service (hereinafter - the FPS of Russia). The analysis of budgetary indicators, institutional features of the management system and international experience in training personnel for penitentiary systems justifies the need to transform not only traditional financing models, but also the system of organizing higher education in the penal system itself. It is concluded that the stability of the departmental education system is achieved at the intersection of macroeconomic, mesoeconomic and intra-university factors. At the same time, the dualism of management and the static portfolio of educational programs are factors limiting the contribution of the universities of the FPS of Russia to both regional development and the modern technological agenda. The proposed directions for the transformation of the departmental education system (modernization of the training structure, strengthening of practical orientation, development of institutional flexibility) are aimed at increasing the socio-economic efficiency of higher educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Keywords: higher education, education economics, penal system, economic challenges, transformation, sustainability factors

© Дерен И.И., Соколова А.В., 2026

Тема статьи является актуальной, так как система высшего образования выполняет стратегическую роль в обеспечении социально-экономического развития страны, в том числе, в достижении технологического суверенитета. Национальная образовательная система включает в себя в качестве составного элемента подсистему ведомственного образования, оказывающего влияние на подготовку высококвалифицированных кадров для уголовно-исполнительной системы России.

Статья посвящена комплексному анализу экономических и институциональных механизмов функционирования системы высшего образования в современных условиях, при этом основной акцент сделан на выявлении специфики деятельности образовательных организаций высшего образования уголовно-исполнительной системы и их устойчивости. В современных условиях переосмысление устойчивости и эффективности существующих моделей функционирования ведомственных вузов приобретает все более прикладное значение.

Анализ федерального бюджета на 2025-2027 гг. показывает, что расходы на образование постоянно увеличиваются, также увеличивается объем государственных расходов на образование, которые превышают доходы, выраженные в процентах от валового внутреннего продукта (таблица 1).

Таблица 1

Ключевые показатели федерального бюджета на 2025–2027 гг.
(на основании анализа Федерального закона от 30.11.2024 № 419-ФЗ [6])

Год	Доходы, трлн. руб.	Расходы, трлн. руб.	Дефицит, % ВВП	Расходы на образование (по разделу функциональной классификации), млрд. руб.	Доля от общих расходов, %
2025	40,296	41,469	0,5	1597,0	4,22
2026	41,841	44,022	0,9	1700,3	4,14
2027	43,154	45,915	1,1	1775,4	4,12

Данные, представленные в таблице 1, иллюстрируют сложившуюся ситуацию в стране – при номинальном росте расходов на образование их фактическое наполнение снижается под влиянием инфляционных процессов, что, безусловно, является современным вызовом для устойчивости как национальной, так и ведомственной системы образования. Отметим, что доля расходов на образование от общих расходов не превышает 5 %, что значительно ниже, чем в зарубежных странах [1, с. 13]. В этой связи особое значение приобретает исследование факторов устойчивости, формирующихся на макро-, мезо- и микроуровнях, включая институциональные и региональные аспекты. Отметим, что под факторами устойчивости следует понимать условия, при которых система образования сохраняет свои свойства, характеристики, устойчивые связи, при этом сохраняется целостность и функционал [2, с. 6].

Выдвигается гипотеза, что институциональный дуализм в функционировании и управлении ведомственной системой образования является проблемным фактором. Двойное подчинение образовательных организаций Министерству науки и высшего образования и ФСИН России требует одновременного соблюдения федеральных государственных образовательных стандартов и нормативных правовых актов с одной стороны и гибкой адаптации к узкопрофильным ведомственным и региональным задачам – с другой. Анализ финансово-экономических показателей, портфелей образовательных программ и вклада в валовой региональный продукт образовательных организаций ФСИН России[1] выявил минимальное участие в региональной экономике и высокую затратность содержания при отсутствии механизмов самоокупаемости.

Сравнительный анализ зарубежного опыта показал существующую дивергенцию подходов к подготовке кадров для пенитенциарных служб между странами Европейского

1 Авторами анализировались отчеты самообследованию, размещенные на официальных сайтах образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний (spbu.fsin.gov.ru, pui.fsin.gov.ru, apu.fsin.gov.ru, vui.fsin.gov.ru, vipe.fsin.gov.ru, vi.fsin.gov.ru, ki.fsin.gov.ru, pi.fsin.gov.ru, sui.fsin.gov.ru).

союза и странами постсоветского пространства. Так, европейские государства (Греция [3, p. 874], Хорватия [4], Чешская Республика и др.) ориентированы на краткосрочные программы обучения длительностью от 12 недель до 2 лет с последующим непрерывным обучением. В то время как страны постсоветского пространства (Россия, Республика Казахстан, Республика Беларусь и др.) сохраняют модель получения высшего образования (специалитет и бакалавриат) длительностью 4-5 лет. Данные особенности актуализируют вопрос об экономической эффективности и целесообразности национальной практики подготовки сотрудников для уголовно-исполнительной системы.

На основе синтеза теоретических подходов, анализа статистических данных и сравнительного анализа зарубежного опыта, на взгляд авторов статьи, целесообразно выявить концептуальные проблемные вопросы функционирования системы ведомственного образования, которые, в свою очередь, могут стать точками роста и способствовать повышению экономической устойчивости и институциональной гибкости системы.

В результате анализа открытых данных авторами был выявлен ряд современных вызовов, стоящих перед системой образования.

1. Трансформация научно-практических подходов к современным функциям системы образования.

Традиционно система образования рассматривается либо как набор элементов, либо как иерархическая структура. Однако темп модернизации и трансформации современного общества требует рассматривать систему в качестве динамической модели, которая должна устранить существующий разрыв между нормативным закреплением функций образования (трансляция знаний, процесс подготовки специалистов) и реальными ожиданиями неограниченного круга стейкхолдеров (обучающийся, его родители, будущие работодатели, представители региональной власти и т.д.). Перед системой образования в настоящее время стоят сложные задачи, так как она должна одновременно развивать личность, обеспечивать социальный контроль, готовить высококвалифицированные кадры с актуальными компетенциями для экономики страны, осуществлять функцию социальных лифтов и транслировать культурный код.

2. *Многоуровневость устойчивости системы образования.*

Анализ данных, представленных в таблице 1, показывает, что в настоящее время при номинальном росте расходов на систему образования реальное ее финансирование снижается прежде всего из-за инфляции. Так, в федеральном бюджете страны на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 гг. запланированный уровень инфляции не превышал 4 %. При этом фактический уровень инфляции в 2025 году составил 5,59 % [5, с. 3]. Таким образом, при формальном увеличении финансирования реальная экономическая устойчивость системы падает. Кроме этого, на устойчивость системы влияли политические решения, которые принимались в 2025 году. Так, в 2025 году государство ограничило платный прием в гражданские вузы по 42 направлениям, также в четырех образовательных организациях высшего образования ФСИН России был прекращен набор на обучение по договорам об оказании платных образовательных услуг. Данный вектор развития является огромным вызовом для экономической устойчивости образовательных организаций, осуществляющих прием на обучение по данным направлениям. Авторы приходят к выводу, что устойчивость системы образования не является исключительно внутренним свойством системы – она детерминирована макрофакторами (государственное регулирование), мезофакторами (региональная экономическая повестка) и микрофакторами (внутренние ресурсы вуза). Следовательно, необходимо разрабатывать актуальные механизмы оценки эффективности бюджетных ассигнований, отходя от простого мониторинга освоения бюджетных средств.

3. Поиск новых точек роста, используя зарубежный опыт.

Анализ зарубежного опыта подготовки кадров для пенитенциарных систем демонстрирует разнонаправленность векторов развития. Международный тренд – преобладание краткосрочных программ подготовки кадров для пенитенциарных систем. И здесь возникает вопрос: насколько оправданы высокие бюджетные затраты на длительные программы обучения (4-5 лет), если международная практика показывает эффективность

более дешевых циклов обучения для базового персонала? Вопрос напрямую связан с экономической целесообразностью.

Анализ открытых данных позволил авторам сформулировать ряд предложений для преодоления указанных выше барьеров.

1. Переход от модели «управления затратами» к модели «управления ценностью» в ведомственных вузах. Анализ открытых данных по образовательным организациям высшего образования ФСИН России показал, что в основе их экономической деятельности лежит сметный принцип – бюджетное финансирование выделяется вне зависимости от рыночной востребованности программы, реальной сложности или инновационности. Стоимость обучения юриста, кинолога, экономиста рассчитывает по единой методике, что экономически необоснованно. Вклад в валовой региональный продукт низкий. Необходима разработка методики оценки экономической эффективности каждой образовательной программы, что позволит выявить точки безубыточности, обосновать дифференциацию нормативов финансирования и перейти от содержания вуза как «социального (дотационного) объекта» к управлению им как «активом», создающим добавленную стоимость через экспорт образовательных услуг, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и др.

2. Децентрализация дополнительного образования позволит ведомственным вузам стать активными участниками, решающими задачи регионального экономического развития. Право самостоятельно распоряжаться доходами от программ дополнительного профессионального образования позволит создать запас экономической прочности для вуза, в том числе условия для удержания высококвалифицированных кадров. Для этого в вузах есть материально-технические базы (криминалистические полигоны, тиры и т.д.), которые используются не в полную меру. Разрабатывая узкопрофильные программы дополнительного профессионального образования (например, повышения квалификации для сотрудников частных охранных предприятий, гражданских психологов, специалистов по безопасности и т. п.), ведомственные вузы могут активно интегрироваться в региональную экономическую повестку.

3. Интеграция международных трендов, необходимость уровневой дифференциации подготовки. Считаем возможным интеграцию зарубежного опыта с краткосрочными программами обучения. На наш взгляд, решение лежит в плоскости разделения труда, уровневой дифференциации и компетентностного подхода. Высшее образование должно быть «элитным», направленным на подготовку высококвалифицированных узкопрофильных специалистов в управлении, аналитике, цифровой, научно-педагогической сфере. Для этого необходимо модернизировать и трансформировать образовательные программы, сделать их более инновационными и прикладными. Программы для рядового и младшего начальствующего состава должны быть интенсивными, краткосрочными (от 3 до 12 месяцев), с рекомендуемым непрерывным обучением без отрыва от службы.

Таким образом, проведенный анализ выявил ключевые вызовы экономики высшего ведомственного образования. Предложенные авторами выводы ориентированы на поиск баланса между государственным заказом, ведомственными требованиями и социально-экономической эффективностью образовательных организаций высшего образования ФСИН России.

Список источников

1. Образование в цифрах – 2025: краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 136 с.
2. Дерен И. И., Соколова А.В. Факторы устойчивости экономической системы высшего образования Российской Федерации // Экономика образования. – 2026. – № 2 (153). – С. 4-16.
3. Giavrimis P. The Training of Prison Guards: The Case of Greece // International Journal of Criminology and Sociological Theory. – 2012. – Vol. 5, No.1. – P. 871-885. URL: https://ijcst.journals.yorku.ca/index.php / ijcst/article/view/35167 (дата обращения: 05.05.2026).

4. Information about the training of the Prison and probation staff in some council of Europe member states provided by the national prison and probation services / 22nd Council of Europe Conference of Directors of Prison and Probation Services – Staff Recruitment, Training and Development in the 21st Century, 20-21 June 2017, Croatia. URL: https://rm.coe.int/information-about-the-training-of-the-prison-and-probation-staff-in-so/1680716583 (дата обращения: 05.05.2026).
5. Инфляция в России: информационно-аналитический комментарий. – 2026. – № 12 (120). URL: https://www.cbr.ru/analytics/dkp/dinamic/(дата обращения: 05.05.2026).
6. О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов : федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ : ред. от 24.06.2025// Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 05.05.2026).

Статья поступила в редакцию 01.09.2026; одобрена 07.09.2026; принята к публикации 14.09.2026.
The article was submitted 01.09.2026; approved after reviewing 07.09.2026; acceped for publication 14.09.2026.

Научная статья
УДК 336.74

Управление инфляционными ожиданиями на региональном уровне: роль коммуникации

Олеся Евгеньевна Полякова
Смоленский филиал РАНХиГС, Смоленск, Россия
polyakova-oe@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция коммуникационной деятельности Банка России в контексте перехода к режиму таргетирования инфляции. Обосновывается, что на региональном уровне коммуникация приобретает значение самостоятельного инструмента денежно-кредитной политики (ДКП), способного напрямую влиять на инфляционные ожидания населения и бизнеса. В статье анализируются результаты коммуникационных сессий, проведённых в субъектах Центрального федерального округа в 2024 году, демонстрируя статистически значимое снижение ожидаемой инфляции после очных мероприятий. Раскрываются форматы многослойной коммуникации: от упрощённых визуальных версий документов до персонализированных встреч с региональными аудиториями.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, Банк России, коммуникации Центрального банка, инфляционные ожидания, региональная экономика, финансовая грамотность, академическое партнёрство, инклюзивное образование, Центральный федеральный округ

Original article

Managing inflation expectations at the regional level: the role of communication

Olesya E. Polyakova
Smolensk Branch of the RANEPA, Smolensk, Russia
polyakova-oe@ranepa.ru

Abstract. The article deals with the evolution of the Bank of Russia's communication activities in the context of the transition to inflation targeting. It is argued that at the regional level communication becomes an independent tool of monetary policy (MP) that can directly influence the inflation expectations of the population and businesses. The article analyzes the results of communication sessions held in the regions of the Central Federal District in 2024, demonstrating a statistically significant decrease in expected inflation after in-person events. It reveals the formats of multi-layered communication, from simplified visual versions of documents to personalized meetings with regional audiences.

Keywords: monetary policy, Bank of Russia, central bank communications, inflation expectations, regional economy, financial literacy, academic partnership, inclusive education, Central Federal District

Традиционно денежно-кредитная политика ассоциируется у экономистов и широкой общественности с изменением ключевой ставки. Однако за последние два десятилетия в теории и практике центральных банков произошёл концептуальный сдвиг, так как коммуникация Банка России перестала быть вспомогательной или PR-функцией и превратилась в полноценный инструмент трансмиссионного механизма.

После перехода к таргетированию инфляции в 2015 году Банк России последовательно наращивает информационную открытость. Однако федеральные коммуникации, такие как пресс-релизы, пресс-конференции, аналитические доклады, часто не достигают своей цели в регионах. Основной причиной является разный уровень финансовой грамотности, высокая доля населения, не следящего за новостями ЦБ, и влияние

© Полякова О.Е., 2026

локальных шоков, таких как сезонный рост цен, региональные монополии, административные решения.

В зарубежной литературе вопросы коммуникационной политики центральных банков активно изучаются с начала 2000-х годов (работы М. Вудфорда, Л. Бланшара, А. Биндайла). В России наиболее значимые исследования принадлежат сотрудникам Банка России (Э. С. Набиуллина, К. В. Юдаева) и преподавателям ведущих вузов, однако эмпирические работы, оценивающие эффект именно очных региональных сессий на инфляционные ожидания, немногочисленны.

Исторически центральные банки придерживались принципа максимальной закрытости, считалось, что неясность в отношении будущих действий регулятора даёт ему большую свободу манёвра, но с 1990-х годов, с распространением режима таргетирования инфляции, произошёл «коммуникационный поворот». Центральные банки стали осознавать, что их способность влиять на ожидания населения и хозяйствующих субъектов напрямую зависит от ясности, последовательности и доступности сообщений.

Для Центрального банка переломным стал 2015 год, когда произошел официальный переход к таргетированию инфляции. С этого момента регулятор начал регулярно публиковать восемь раз в год пресс-релизы по ключевой ставке, стратегический документ на три года «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики», среднесрочный макроэкономический прогноз, резюме обсуждения ключевой ставки, обзоры финансовой стабильности, денежно-кредитных условий, аналитические комментарии о динамике цен и инфляционных ожиданиях.

С 2023 года вместо прежнего «Доклада о денежно-кредитной политике» выпускается развёрнутый комментарий к прогнозу, что делает аналитику более оперативной.

Однако, несмотря на увеличение объёма публикуемой информации, ожидания населения остаются на высоком уровне, так как полноценный анализ денежно-кредитной политики требует понимания макроэкономических взаимосвязей, недоступного большинству граждан. Кроме того, действует «историческая память», длительный период высокой инфляции 1990-х и шоки 2014–2015, 2022 годов создали у населения когнитивный якорь, при котором любое ослабление политики интерпретируется как риск нового витка роста цен. Именно эти ограничения привели к внедрению многослойной модели коммуникации (см. табл. 1) [1].

Особую роль в этой системе играют территориальные учреждения Банка России, так как ими реализуется региональная коммуникация, проводятся сессии, организуются встречи с губернаторами, муниципалитетами, ассоциациями предпринимателей. Активно используются социальные сети (Rutube, «ВКонтакте», «Одноклассники», «Яндекс Дзен», каналы в мессенджере «Макс»), а также проект «Финансовая культура».

Таблица 1

Классификация многослойной коммуникации Банка России

Аудитория	Форматы	Примеры
Широкая публика	Короткие визуализированные версии	Упрощённые веб-версии «Основных направлений...», инфографика по инфляции
Профессионалы (финансисты, аналитики)	Полные отчёты, рабочие документы	Аналитические записки «О чем говорят тренды»
Региональные аудитории	Персонализированные очные форматы	Коммуникационные сессии, встречи с бизнесом и властями, кейс-чемпионаты
Молодёжь и студенты	Деловые игры, квизы, лекции	Игра «Ключевая ставка», проект «Антимифы»
Социально уязвимые группы	Инклюзивные программы, выездные занятия	Проект в центре «Вишинки» (Смоленск)

Коммуникационные сессии Банка России в регионах проводятся ежегодно. Мероприятие длится обычно 3–4 часа и собирает от 50 до 150 участников в зависимости от размера региона, состав участников целевым образом формируется из трёх групп в лице представителей регионального бизнеса, органов власти и академического сообщества. Сессии являются двусторонними, Банк России не только транслирует свою позицию, но и получает уникальную полевую информацию, которая затем учитывается при подготовке резюме обсуждения ставки [3, с. 16].

Главное управление Банка России по Центральному федеральному округу провело коммуникационные сессии во всех 18 регионах округа, включая Москву и Московскую область. Перед каждой сессией и сразу после неё проводился интерактивный опрос участников через мобильное приложение или веб-форму: «Какой, по Вашему мнению, будет инфляция в России через 12 месяцев?» (в процентах). Опросы были анонимными, что повышало честность ответов, результаты представлены в таблице 2. Из таблицы 2 видно, что во всех регионах произошло снижение ожидаемой инфляции в среднем на 2,5 процентного пункта, и эффект несколько выше в регионах с изначально более высокими ожиданиями, в Брянской, Ивановской, Курской, Смоленской области снижение 2,6 п.п. В Москве и Московской области снижение чуть скромнее – 2,3 п.п., что может объясняться исходно более высоким уровнем финансовой грамотности и меньшим разрывом между ожиданиями и реальностью.

Таблица 2

Изменение медианных инфляционных ожиданий участников после коммуникационных сессий в регионах ЦФО в 2024 г.

Регион	Ожидания до сессии, %	Ожидания после сессии, %	Снижение (п.п.)
Белгородская обл.	11,2	8,7	-2,5
Брянская обл.	12,0	9,4	-2,6
Владимирская обл.	10,8	8,3	-2,5
Воронежская обл.	10,5	8,1	-2,4
Ивановская обл.	11,9	9,3	-2,6
Калужская обл.	10,3	8,0	-2,3
Костромская обл.	11,7	9,2	-2,5
Курская обл.	11,5	8,9	-2,6
Липецкая обл.	10,2	7,9	-2,3
Московская обл.	9,8	7,5	-2,3
Орловская обл.	11,4	8,8	-2,6
Рязанская обл.	10,9	8,4	-2,5
Смоленская обл.	11,1	8,5	-2,6
Тамбовская обл.	11,3	8,7	-2,6
Тверская обл.	10,7	8,2	-2,5
Тульская обл.	10,4	8,0	-2,4
Ярославская обл.	10,6	8,2	-2,4
г. Москва	9,5	7,2	-2,3
Среднее по ЦФО	10,9	8,4	-2,5

Важно подчеркнуть, что участники сессий представляют собой не репрезентативную выборку населения, а скорее активную, экономически вовлечённую группу. Снижение их инфляционных ожиданий напрямую влияет на фактическую инфляцию через каналы ценообразования и спроса, фирмы меньше закладывают будущий рост цен, а домашние хозяйства не скупают товары впрок [4].

Наиболее частые вопросы, задававшиеся бизнесом на сессиях 2024 года, касались сроков начала снижения ключевой ставки, в условиях жёсткой ДКП и надёжности макроэкономических прогнозов, учитывая внешние шоки. Ответы представителей Банка России, аргументированные цифрами и ссылками на резюме обсуждения ставки, давали участникам более реалистичную картину, что подтверждает эмпирически гипотезу об эффективности очных коммуникационных сессий.

Банк России в своих публичных документах неоднократно заявлял о необходимости усиления работы с академическим сообществом, подобное сотрудничество способствует не только укреплению доверия к действиям регулятора, но и вовлечению научного сообщества в обсуждение актуальных экономических проблем, помогает углубить понимание теоретических основ и практического применения режима таргетирования инфляции, а также развеять распространенные мифы о ДКП. Планируется расширение взаимодействия с вузами – как с преподавательским составом, так и со студентами [3, с. 16].

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Банк России прошёл путь от закрытости к многослойной, активно дифференцированной по аудиториям модели, а коммуникация стала самостоятельным инструментом ДКП. На региональном уровне это выражается в ежегодных коммуникационных сессиях, работе с соцсетями и персонализированных форматах.

2. Очные коммуникационные сессии эффективно снижают инфляционные ожидания, что подтверждается опросами участников, проведенными до и после мероприятий в 18 регионах ЦФО в 2024 г., которые показатели медианное снижение ожидаемой через 12 месяцев инфляции на 2,5 процентного пункта. Это значимый результат, достигнутый без изменения ключевой ставки, а только за счёт разъяснения и диалога.

3. Эффективный диалог с академическим сообществом является критически важным направлением. Кейс-чемпионаты, деловая игра «Ключевая ставка», конференции, квизы доказали свою эффективность в подготовке экономически грамотных кадров и формировании рациональных ожиданий у молодёжи.

На основании проведенного исследования можно дать следующие рекомендации по углублению регионального диалога до муниципального уровня, охватывая городские округа, сельские поселения, где информационная асимметрия максимальна: расширение сотрудничества с вузами в части обязательного включения модулей по ДКП и коммуникациям ЦБ в программы бакалавриата не только экономических, но и управленческих, социологических, педагогических направлений, проведение систематических научных исследований, измеряющих долгосрочный эффект коммуникационных сессий (с лагом 6–12 месяцев), что позволит более точно оценить их вклад в снижение инфляции [2, с. 56].

Региональный аспект задачи выстраивания доверительных отношений с ЦБ РФ с населением и хозяйствующими субъектами критичен, поскольку именно на местах формируются повседневные инфляционные ожидания граждан и предпринимателей. Опыт взаимодействия Банка России в последние периоды доказывает, что терпеливый, многослойный и инклюзивный диалог приносит измеримые результаты.

Список источников

1. Итоги общественных консультаций в регионах // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/172452/report_06022025.pdf (дата обращения: 18.03.2026).
2. Кошкин А. В. К вопросу о роли коммуникации центральных банков в реализации стратегии денежно-кредитной политики // Теоретическая и прикладная экономика. – 2025. – № 4. – С. 55-71.
3. Марданов Р. Х. Коммуникация как инструмент денежно-кредитной политики: региональный аспект // Вестник Университета Правительства Москвы. – 2025. – № 1 (67). – С. 10-18.
4. Обзор денежно-кредитной политики. Доклад для общественных консультаций // Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/146814/Consultation_Paper_18052023.pdf (дата обращения: 18.03.2026).
5. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов // Банк России : [сайт]. URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2025_2027/ (дата обращения: 17.03.2026).

Статья поступила в редакцию 01.09.2026; одобрена 07.09.2026; принята к публикации 14.09.2026.
The article was submitted 01.09.2026; approved after reviewing 07.09.2026; acceped for publication 14.09.2026.

Научная статья
УДК 378

Некоторые аспекты цифрового ресурса в активизации динамики экономического роста территориальных анклавов

Анжела Ихтиёровна Саматова[1], Владимир Николаевич Круглов[2]
[1] ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва, Россия
[2] Институт управления, бизнеса и технологий, Калуга, Россия
[1] samatova5995@mail.ru
[2] vladkaluga@yandex.ru

Аннотация. Одна из основных черт сегодняшней экономики Российской Федерации – катастрофическая нехватка рабочей силы (по определению Аппарата Президента) в системообразующих отраслях инновационного развития. Трудовые ресурсы не только одни из самых востребованных, но и одни из наиболее проблемных в плане временного лага их воспроизводства. Авторы ставят своей задачей минимизировать временной ресурс с одновременной оптимизацией ресурса интеллектуального через трансформацию цифрового ресурса в рамках высших учебных заведений. По мнению исследователей, это даст возможность сделать сектор реальной экономики регионального уровня по-настоящему креативным и независимым от волн зарубежной миграции. В ходе многофакторного анализа применялись системный, комплексный, ситуационный и процессный подходы.

Ключевые слова: кадры, цифровизация, профессиональная ориентация, образование, креативная экономика, региональные ресурсы, коммуникации, платформы, компетенции, статистика

Original article

Some aspects of digital resources in activating the dynamics of economic growth in territorial enclaves

Angela I. Samatova[1], Vladimir N. Kruglov[2]
[1] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
[2] Institute of Management, Business and Technology, Kaluga, Russia
[1] samatova5995@mail.ru
[2] vladkaluga@yandex.ru

Abstract. One of the main features of the current Russian Federation economy is the catastrophic shortage of labor (as defined by the Presidential Administration) in the system-forming sectors of innovative development. Labor resources are not only one of the most demanded resources, but also one of the most problematic in terms of the time lag in their reproduction. The authors aim to minimize the time resource while simultaneously optimizing the intellectual resource through the transformation of the digital resource within higher education institutions. According to the researchers, this will make the regional real economy sector truly creative and independent from waves of foreign migration. The study used a systematic, comprehensive, situational, and process-based approach.

Keywords: personnel, digitalization, professional orientation, education, creative economy, regional resources, communications, platforms, competencies, and statistics

В условиях трансформации социально-экономических процессов и активного внедрения цифровых технологий актуальность приобретает проблема профессионального самоопределения молодежи. Выбор будущей профессии становится сложным и многокомпонентным процессом, тре-

© Саматова А.И., Круглов В.Н., 2026

бующим системной профориентационной поддержки со стороны образовательных организаций. Профориентация выступает важным инструментом формирования кадрового потенциала экономики, поскольку позволяет согласовывать профессиональные интересы молодежи с потребностями рынка труда [1].

В научной литературе понятие профориентации рассматривается как комплексная система педагогических, психологических и информационных мероприятий, направленных на содействие осознанному выбору профессиональной деятельности. Так, исследователи Е. М. Бурнаева и С. Н. Саломатова определяют профориентацию как систему взаимодействия образовательных институтов, направленную на развитие у обучающихся способности к самостоятельному профессиональному выбору с использованием современных информационных технологий. По мнению авторов, цифровизация общества приводит к появлению новых форм профориентационной деятельности, основанных на сетевом взаимодействии, онлайн-коммуникациях и цифровых образовательных сервисах [2, с. 38].

Дополнительные аспекты профессионального самоопределения в цифровой среде рассматриваются в исследованиях А. А. Аженова, Е. П. Щербаковой, Ш. К. Сулейменовой и Ж. У. Есинбаевой, где подчеркивается интеграция психологических и педагогических подходов с цифровыми технологиями. Авторы отмечают, что эффективные системы профориентации должны включать цифровые платформы карьерного консультирования, инструменты диагностики профессиональных интересов и возможности построения индивидуальных образовательных траекторий [3].

Анализ представленных научных подходов показывает, что современная система профориентации формируется на пересечении педагогики, психологии, экономики и цифровых технологий. Для определения ключевых характеристик явления целесообразно выделить основные категории, часто используемые в научных исследованиях профориентации и цифровых коммуникаций. Обобщение научных работ позволило сформировать облако ключевых понятий, отражающих сущностные характеристики современных профориентационных коммуникаций [4]. Облако ключевых понятий цифровых профориентационных коммуникаций образовательных организаций позиционируется на рисунке 1.

Рис. 1. Облако ключевых понятий цифровых профориентационных коммуникаций образовательных организаций

Представленные категории отражают ключевые элементы современной системы профориентационной деятельности: информационную основу взаимодействия, цифровые каналы коммуникации, институциональную роль образовательных организаций и конечную цель – формирование кадрового потенциала экономики [5, с. 104].

Учитывая рассмотренные научные подходы и специфику исследования, под цифровыми профориентационными коммуникациями образовательных организаций в рамках работы предлагается понимать систему взаимодействия образовательных организаций, обучающихся и участников регионального рынка труда, реализуемую посредством цифровых технологий и коммуникационных платформ и направленную на формирование профессионального самоопределения молодежи и развитие кадрового потенциала креативной экономики региона [6, с. 19].

Во-первых, профориентационные коммуникации рассматриваются как информационная деятельность и механизм координации интересов образовательной системы, молодежи и экономики региона. Во-вторых, важную роль в процессе играют цифровые инструменты коммуникации, обеспечивающие доступность информации о профессиональных возможностях и образовательных траекториях. В-третьих, профориентационные коммуникации становятся элементом формирования кадрового потенциала креативной экономики, поскольку позволяют ориентировать молодежь на востребованные и перспективные направления профессиональной деятельности [7, с. 223].

Цифровые коммуникации представляют инструмент взаимодействия образовательных организаций и молодежи в процессе профессионального самоопределения. Они обеспечивают гибкий, интерактивный и персонализированный доступ к информации о профессиональных возможностях, образовательных траекториях и востребованных компетенциях для креативной экономики. Цифровые коммуникации способствуют формированию партнерских связей между образовательными организациями, предприятиями и молодежью, создавая единое информационное пространство профессиональной подготовки и карьерного консультирования [8, с. 74].

Цифровые коммуникации выполняют интегративную роль в профориентационной деятельности, объединяя образовательные организации, молодежь и работодателей в единое цифровое пространство. Они создают предпосылки для построения механизма развития цифровых профориентационных коммуникаций образовательных организаций, который обеспечивает целенаправленное формирование кадрового потенциала креативной экономики Калужской области. Механизм предполагает системное использование цифровых инструментов для поддержки профессионального самоопределения молодежи, согласования образовательных и профессиональных траекторий и активного вовлечения обучающихся в инновационную деятельность. Кадровый потенциал креативной экономики региона определяется количеством специалистов и их профессиональной подготовкой, инновационной активностью и способностью генерировать новые идеи и решения. В современных условиях цифровизации и трансформации социально-экономических процессов профориентация приобретает стратегическое значение как инструмент согласования интересов образовательных организаций, молодежи и работодателей.

Имеет первостепенное значение учитывать масштаб государственной поддержки цифровых профориентационных практик в России. В 2024 году в рамках национального проекта «Образование» 8,5 млн. учащихся приняли участие в профориентационных мероприятиях, охвативших все регионы страны. К реализации профориентационной деятельности были подключены около 9,5 тыс. российских предприятий, что свидетельствует о системной интеграции цифровых инструментов профориентации в образовательную политику государства [9].

Региональная статистика демонстрирует расширение практик цифровой профориентации. В Калужской области одним из ключевых инструментов профориентационной работы выступает федеральный проект «Билет в будущее», в рамках которого осуществляется онлайн-диагностика профессиональных интересов, проведение цифровых консультаций и профориентационных мероприятий. По данным региональных источников, ежегодно участие в проекте принимают 9 тыс. школьников Калужской области, проходящих цифровые профориентационные тестирования и образовательные активности [10]. Динамика вовлеченности демонстрирует рост: в одном из этапов реализа-

ции проекта число участников достигло 8994 обучающихся, что почти в три раза превышает показатели предыдущего года. Дополнительным элементом профориентационной инфраструктуры выступают профориентационные экскурсии и профессиональные туры, интегрированные с цифровыми платформами информирования и сопровождения участников. Сам процесс формирования кадрового потенциала показан на рисунке 2.

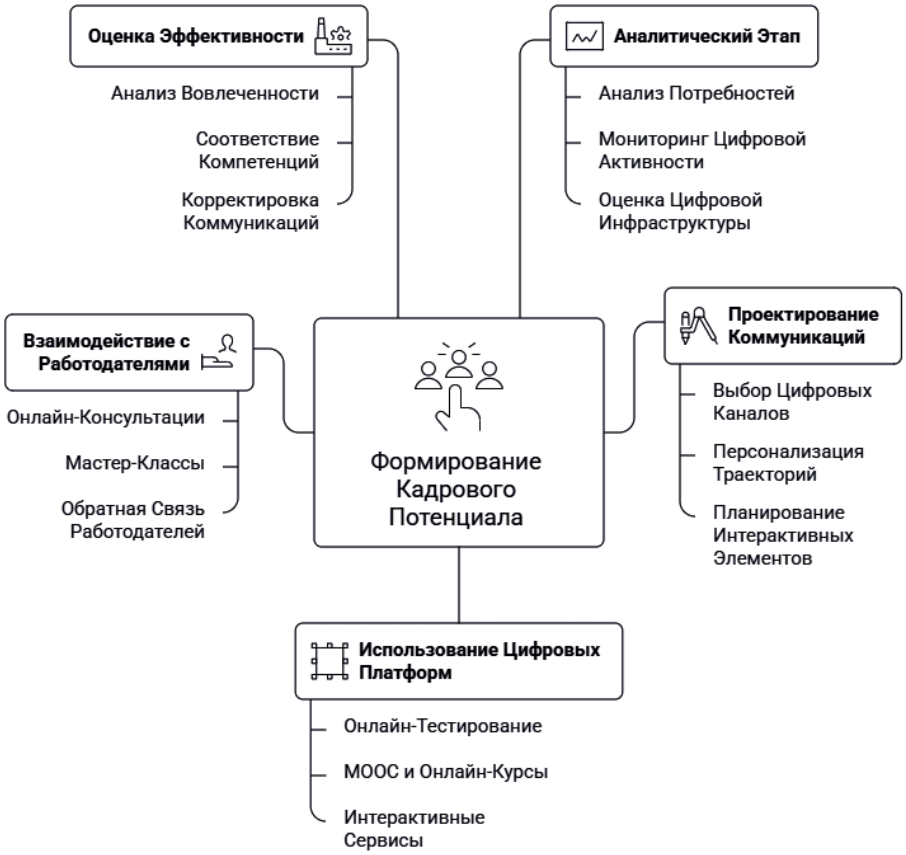

Рис. 2. Процесс формирования кадрового потенциала креативной экономики

Анализ и описание механизма цифровых профориентационных коммуникаций образовательных организаций демонстрируют его использование в формировании кадрового потенциала креативной экономики Калужской области. Представленный механизм обеспечивает системное взаимодействие между образовательными организациями, молодежью и работодателями, интегрируя аналитические, коммуникационные и образовательные инструменты цифровой профориентации. Эмпирические данные региональной практики, в частности результаты реализации федерального проекта «Билет в будущее», подтверждают эффективность комплексного подхода: ежегодно вовлеченность школьников в цифровые профориентационные активности возрастает, формируются индивидуальные образовательные траектории, осуществляется диагностика профессиональных интересов и компетенций, что свидетельствует о росте институциональной зрелости цифровых профориентационных инструментов.

На основании проведенного анализа можно выделить несколько ключевых направлений для дальнейших научных исследований и практической оптимизации механизма:

1) углубленный анализ качественных эффектов цифровых коммуникаций – требуется системное изучение влияния интерактивных инструментов, онлайн-консультаций и вебинаров на формирование профессиональной идентичности молодежи, осознанность выбора профессии и на

развитие метакомпетенций, критически важных для креативных индустрий Калужской области;

2) интеграция с локальными экономическими структурами – развитие сетевых моделей сотрудничества с предприятиями IT-сектора, медиа-производства и малого креативного бизнеса региона, включая масштабирование виртуальных стажировок и практико-ориентированных проектов, что позволит увязать образовательные траектории обучающихся с конкретными потребностями регионального рынка труда;

3) совершенствование персонализации цифровых сервисов профориентации – предполагается дальнейшая оптимизация рекомендательных алгоритмов, интерактивных форматов и инструментов индивидуального сопровождения с учетом интересов, способностей и уровня цифровой грамотности молодежи, что обеспечит повышение мотивационной и профессиональной эффективности профориентационных коммуникаций;

4) разработка комплексных критериев оценки эффективности на региональном уровне – помимо количественных индикаторов (охват аудитории, количество участников мероприятий, динамика вовлеченности) рекомендуется включение качественных характеристик: уровень осведомленности о профессиях креативной экономики, удовлетворенность участников образовательным процессом и степень соответствия сформированных компетенций требованиям работодателей.

Механизм цифровых профориентационных коммуникаций в Калужской области выступает как инструмент информационного сопровождения молодежи и стратегический механизм формирования человеческого капитала креативной экономики. Он обеспечивает согласование интересов образовательных организаций, молодежи и работодателей, способствует построению индивидуализированных образовательных маршрутов и формированию компетенций XXI века для инновационной и творческой деятельности.

В дальнейшем научные исследования могут быть сосредоточены на эмпирическом изучении влияния цифровой профориентации на долгосрочные карьерные траектории выпускников, масштабировании механизмов на новые возрастные и образовательные группы и на интеграции региональных данных о рынке труда в процессы персонализации образовательных маршрутов. Развитие и оптимизация механизма позволит повысить эффективность подготовки кадров для креативной экономики Калужской области и сформировать научно обоснованную модель цифровой профориентации, применимую в других регионах России с аналогичными социально-экономическими и цифровыми условиями.

Список источников

1. Аженов А. А., Щербакова Е. П., Сулейменова Ш. К., Есинбаева Ж. У. Профессиональное самоопределение обучающихся в цифровой среде: психолого-педагогический анализ и основы проектирования IT-платформы // 3I: интеллект. инновации. инвестиции. – 2025. – № 3. URL: https://ojs.ksu.edu.kz/index.php/3i/article/view/1553 (дата обращения: 08.03.2026).
2. Бурнаева Е. М., Саломатова С. Н. Цифровая профориентация как необходимая реальность // Управление образованием: теория и практика. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 34-44.
3. Более 9 тысяч школьников Калужской области ежегодно участвуют в проекте «Билет в будущее» // Ника ТВ : [сайт]. URL: https://nikatv.ru/news/obshestvo/bolee-9-tysyach-shkolnikov-kaluzhskoy-oblasti-ezhegodno-uchastvuyut-v-proekte-bilet-v-buduschee (дата обращения: 09.03.2026).
4. В РФ профориентация охватила более 8,5 млн. учащихся в 2024 году // ТАСС : [сайт]. URL: https://tass.ru/obschestvo/22824197 (дата обращения: 09.03.2026).
5. Круглов В. Н. Рост экономики региона: инновационный подход. Новая наука: стратегии и векторы развития // Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (Магнитогорск, 8 апреля 2017 г.). – 2017. – № 4-3-1. – С.104-106. – ISSN 2412-9739.
6. Круглов В. Н., Саматова А. И. Автоматизация процесса оценки эффективности информационных систем управления с помощью Python в PyCharm: Community Edition // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 7-20. – DOI: http://doi.org/10.18287/2542-0461-2024-15-3-164-179.

7. Круглов В. Н., Саматова А. И. Инструментальные подходы к оценке информационных систем управление в рамках стратегического и внутрифирменного планирования деятельности на основе Python // Финансовый менеджмент. – 2025. – № 1. – С. 215-228. – ISSN 1607-968X.
8. Мигел А. А., Трутнева Н. Ю. Анализ благосостояния населения России // Экономика региона: новые вызовы : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. – М., 2018. – С. 71-76.
9. Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации (ЕИСУКС) // Минцифры : [сайт]. URL: https://digital.gov.ru/information-systems/edinaya-informaczionnaya-sistema-upravleniya-kadrovym-sostavom-gosudarstvennoj-grazhdanskoj-sluzhby-rf-eisuks (дата обращения: 09.03.2026).
10. Почти 9000 школьников из Калужской области стали участниками федерального проекта по профориентации // Ника ТВ : [сайт]. URL: https://nikatv.ru/news/obshestvo/pochti-9000-shkolnikov-iz-kaluzhskoy-oblasti-stanut-uchastnikami-federalnogo-proekta-po-proforientacii (дата обращения: 09.03.2026).

Статья поступила в редакцию 01.09.2026; одобрена 07.09.2026; принята к публикации 14.09.2026.
The article was submitted 01.09.2026; approved after reviewing 07.09.2026; acceped for publication 14.09.2026.

УДК 343.1

Актуальные вопросы процессуальной деятельности при производстве дознания в сокращенной форме

Рецензия
на диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Средства доказывания при производстве дознания в сокращенной форме» Лавриновской И. С.

Андрей Михайлович Наумов
Владимирский филиал РАНХиГС, Владимир, Россия
Naumov-anm@ranepa.ru

Аннотация. Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации была введена глава 32.1 УПК РФ «Дознание в сокращенной форме». Данный новый процессуальный институт активно изучается отечественными исследователями. В начале этого года Лавриновская И. С. успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Средства доказывания при производстве дознания в сокращенной форме». В данном исследовании автор затронула ряд актуальных вопросов процессуальной деятельности при производстве дознания в сокращенной форме. В частности, вопросы о формах процессуальной деятельности, о средствах доказывания, об особенностях доказательственной деятельности. В данной статье анализируются предложенные автором новые подходы и высказывается ряд соображений по данной теме

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, процессуальная деятельность, средства доказывания

Current issues of procedural activity during the production of an abbreviated inquest

Review
of the dissertation by I. S. Lavrinovskaya submitted for the academic degree of Candidate of Legal Sciences, titled "Means of Proof in Expedited Inquiry Proceedings"

Andrey M. Naumov
Vladimir Branch of RANEPA, Vladimir, Russia
Naumov-anm@ranepa.ru

Annotation. On March 4, 2013, Federal Law No. 23-FZ was introduced into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which introduced Chapter 32.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, "Inquiry in a Reduced Form." This new procedural institution is being actively studied by domestic researchers. Earlier this year, Lavrinovskaya I. S. successfully defended her dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences on the topic: "Means of Proof in the Inquiry in a Reduced Form." In this study, the author addressed a number of relevant issues related to procedural activities during the production of a shortened inquest. In particular, the issues of procedural activities, means of proof, and the specifics of evidentiary activities were discussed. The article analyzes the new approaches proposed by the author and provides a number of insights on this topic.

Keywords: shortened inquest, procedural activities, means of proof

© Наумов А.М., 2026

Федеральным законом от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ была введена глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме» в УПК РФ, включающая статьи 226.1-226.9 УПК РФ.

В пояснительной записке к проекту данного Федерального закона в качестве основного довода в обоснование введения данного процессуального института указывалось, что он позволит исключить нерациональное расходование сил и средств органов предварительного расследования, необоснованное затягивание сроков досудебного производства, когда уголовное дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения. Кроме того, отмечалось, что введение сокращенного порядка дознания позволит достичь существенной процессуальной экономии, расширить диспозитивные начала при реализации подозреваемым (обвиняемым) права на защиту, а потерпевшим – права на доступ к правосудию [18].

Появление данного процессуального института и практика его применения вызывали оживленную дискуссию среди юристов, среди ученых и практиков. Были защищены несколько диссертаций на данную тему [22, 3, 16, 17], изданы монографии [13], учебные пособия [1], выпущены сборники статей [4], существует обширная периодика [19, 24, 20, 21, 7].

В начале этого года Лавриновская И. С. успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Средства доказывания при производстве дознания в сокращенной форме» [11, 12].

В данном исследовании автор затронула ряд актуальных вопросов процессуальной деятельности при производстве дознания в сокращенной форме, на которых хотелось бы остановиться в рамках настоящей статьи.

1. Циклическая модель доказывания.

Соискатель предлагает новую **циклическую** модель доказывания, которую противопоставляет традиционной **линейной** модели (собирание – проверка – оценка доказательств), закрепленной в главе 11 УПК РФ в статьях 85-90 УПК РФ.

Однако, по сути, эта традиционная модель представляет собой череду сменяемых этапов или циклов доказывания. Все начинается с собирания доказательств (ст. 86 УПК РФ), затем идёт проверка собранных доказательств (ст.87 УПК РФ), после чего следует их оценка по правилам, изложенным в ст. 88 УПК РФ.

Некоторые исследователи, например, Ф. Н. Фаткуллин, А. Б. Соловьев [23, с. 16] предлагают дополнить процесс доказывания четвертым элементом – использованием доказательств.

Таким образом, мы видим, что традиционная, или, как автор называет её, линейная модель доказывания, имеет творческий потенциал своего развития.

Доказывание представляет собой деятельность субъектов доказывания, к которым относятся дознаватель, следователь, прокурор и суд, по собиранию, проверке и оценке доказательств. Такое определение мы можем дать на основе норм уголовно-процессуального закона.

Соискатель определяет доказывание как динамический процесс преобразования информации, реализующийся на двух взаимосвязанных уровнях: макро- и микроциклов. При этом макроцикл отражает движение доказательственной информации между основными субъектами доказывания, тогда как микроциклы представляют собой повторяющийся процесс, в рамках которого каждый субъект доказывания на своем уровне воспроизводит триаду качественно различных циклов: познание, удостоверение и обоснование [11, с. 14].

Даваемое соискателем определение доказывания отражает внешнюю и внутреннюю стороны процесса доказывания.

2. Средства доказывания.

Соискатель отмечает, что средства доказывания все ещё остаются «неприкаянной» категорией уголовно-процессуальной науки, которая не в полной мере востребована законодателем, отказывающимся от технико-юридической эксплуатации данного понятия при изложении текста уголовно-процессуального закона. Дефицит нормативного содержания данной категории открывает широкий простор для свободы доктринального усмотрения среди ученых, которые вправе включать в понятие «средства доказывания» достаточно разнообразное содержание [11, с. 48].

Исходя из этого соискатель дает очень широкое понятие средств доказывания как системы функциональных механизмов познания, удостоверения и логического обоснования, включающей *предусмотренные законом процедуры, процессуальные формы, гносеологические приемы и ин-*

теллектуально-волевые ресурсы субъекта доказывания, посредством которого осуществляется циклическое преобразование информации из следов объективной реальности в юридически значимые знания и обеспечивается непрерывность, преемственность и обоснованность доказывания на всех стадиях уголовного процесса [11, с. 41].

Таким образом, соискатель попытался в данном определении вместить все способы получения доказательств, а также приемы их проверки и оценки.

В представленной соискателем авторской системе средств доказывания, включающей пять групп, соискатель идёт ещё дальше и выделяет две группы средств доказывания, применяемых в рамках последующего судебного контроля и универсального когнитивно-экспертного обеспечения.

Понятие средств доказывания в такой трактовке соискателя представляется слишком широким, включающим в себя практически все элементы доказывания: собирание – проверку – оценку доказательств.

Автор слишком увлекся в процессе исследования. Представляется необходимым сузить предлагаемый автором перечень средств доказывания. Например, за счет исключения таких «прокурорских средств доказывания» как письменные указания или постановление об отмене незаконных постановлений дознавателя [11, с. 45], а также утверждение обвинительного акта (постановления).

Согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ, прокурор в уголовном судопроизводстве выполняет функции уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания.

Для осуществления этих функций прокурору предоставлены полномочия давать дознавателю письменные указания, а также отменять незаконные и необоснованные постановления дознавателя (п. п. 4, 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). А также полномочие по утверждению обвинительного акта или обвинительного постановления (п. 14 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Кроме того, соискатель необоснованно относит к средствам доказывания также средства прокурорского реагирования на судебные ошибки (протесты, представления) [11, с. 46].

Приносимые прокурором протесты и представления регламентируются п. 3 ст. 1, ст. 36 Федерального закона «О прокуратуре РФ» и соответствующими нормами уголовно-процессуального закона и не имеют прямого отношения к процессу доказывания.

3. Эволюция средств доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве.

Описывая историю средств доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве, соискатель придерживается следующей схемы периодизации: период становления и развития Древнерусского государства – период развития централизованного московского государства – имперский (дореволюционный) период – советский период – постсоветский (современный) период [11, с. 50-51].

Таким образом, всего автором выделяется пять периодов истории развития средств доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве.

В другом месте соискатель дает другую периодизацию, выделяя два периода, которые делятся, в свою очередь, на два и три этапа соответственно, т. е. получаются те же пять этапов.

Период синкретического доказывания (IX век – середина XVIII века) автор делит на два этапа: 1) ранний этап (IX – XV века); 2) поздний этап (XV век – середина XVIII века) [11, с. 79-80].

Период дифференцированного доказывания (с 1864 г.) делится автором на три этапа: 1) дореволюционный (классический) (1864-1917 гг.); 2) советский этап (1917-1991 гг.); 3) современный (постсоветский) (с 1991 г. по настоящее время) [11, с. 80-81].

В основу предложенной классификации в первом варианте автор кладет ключевые этапы эволюции **государственно-правовой формы** Российского государства.

Однако, поскольку доказывание является институтом уголовного процесса, представляется методологически более правильным опираться не на понятие государственно-правовой формы, а на понятие **исторической формы уголовного процесса.**

Обычно выделяют три исторические формы уголовного процесса в России: 1) обвинительный (состязательный); 2) розыскной (инквизиционный); 3) смешанный (обвинительно-розыскной).

Помимо этого вызывает замечания характеристика, данная автором советскому этапу. Революционное правосознание и классовый интерес были характерны для советского уголовного процесса в период с 1917 по 1959 год, что нашло своё отражение в законодательстве того периода,

в частности в уголовно-процессуальных кодексах РСФСР 1922 и 1923 годов.

Однако УПК РСФСР 1960 года свободен от этих установок. В статье 14 УПК РСФСР 1960 года говорится, что *правосудие по уголовным делам осуществляется на началах равенства граждан перед законом и судом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.*

Не совсем корректно утверждать, что для практики советского периода был характерен обвинительный уклон, а судебное разбирательство представляло собой процедуру формального утверждения обвинительного заключения.

Импонирует осторожный и взвешенный подход соискателя к вопросу использования зарубежного опыта применения средств доказывания в российском уголовном процессе.

4. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме.

Соискателем были изучены материалы 310 уголовных дел, расследованных органами дознания в 7 регионах нашей страны. В приложении № 3 [11, с. 259-261] содержатся обобщенные данные о результатах изучения материалов архивных уголовных дел.

В этой таблице имеется вопрос № 10: «В течение какого времени с момента возбуждения уголовного дела лицо допрошено в качестве подозреваемого?». И приводятся результаты ответов на этот вопрос: 1) от 1 до 5 суток – 40%; 2) от 6 до 10 суток – 35%; 3) более 10 суток – 25%.

Почему мы обращаем внимание на этот вопрос? Потому что законодатель связывает с допросом подозреваемого принятие дознавателем решения о начале производства дознания в сокращенной форме.

Так вот, если дознание в сокращенной форме начинается не сразу после возбуждения уголовного дела, а через какой-то промежуток времени, то в какой форме производится расследование в этот период времени?

Следует согласиться с М. В. Зотовой [8, с. 8-9], которая предлагает в своей кандидатской диссертации периодизацию *предварительного расследования с применением дознания в сокращенной форме, которая состоит из трех частей: первая часть – это переход на дознание в сокращенной форме, при котором процессуальная деятельность осуществляется в виде дознания в общем порядке; вторая часть – это собственно дознание в сокращенной форме и третья часть – это процессуальная деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением.*

Представляется, что процессуальная деятельность при производстве дознания в сокращенной форме помимо этих трех частей включает также как самостоятельную часть стадию возбуждения уголовного дела, где происходит регистрация сообщения о преступлении и проводится проверка по сообщению о преступлении. Эта часть процессуальной деятельности является первой по счету, исходной.

Кроме того, завершающей, пятой по счету частью процессуальной деятельности следует считать рассмотрение дела судом в особом порядке, предусмотренном ст. 226.9 УПК РФ.

Таким образом, **процессуальная деятельность при производстве дознания в сокращенной форме включает в себя пять частей (этапов) или пять форм процессуальной деятельности.**

Первая часть начинается с момента регистрации сообщения о преступлении и завершается вынесением постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица по признакам состава преступления, предусмотренного в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Данная часть включает в себя помимо регистрации сообщения о преступлении проведение проверки данного сообщения с целью установления признаков состава преступления, т.е. для установления основания для возбуждения уголовного дела. Первая часть регламентирована нормами главы 19 УПК РФ, статьями 140-145 УПК РФ.

Вторая часть процессуальной деятельности начинается с момента вынесения дознавателем постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица и до вынесения дознавателем постановления об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме. На данной стадии процессуальная деятельность осуществляется в форме дознания в общем порядке, предусмотренном главой 32 УПК РФ, статьями 223-226 УПК РФ.

Третья часть процессуальной деятельности включает в себя собственно производство

дознания в сокращенной форме, предусмотренной главой 32.1 УПК РФ. Данная часть начинается с вынесения дознавателем постановления об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращенной форме и завершается моментом направления дознавателем уголовного дела с обвинительным постановлением прокурору для изучения уголовного дела и утверждения обвинительного постановления. Данная часть регламентирована нормами статей 226.1-226.7 УПК РФ.

Четвертая часть процессуальной деятельности включает деятельность прокурора, который изучает материалы уголовного дела, поступившего с обвинительным постановлением. Данный этап начинается с момента поступления уголовного дела с обвинительным постановлением прокурору и завершается направлением прокурором уголовного дела в суд для его рассмотрения. Данная часть регламентирована главой 32.1 УПК РФ, в частности статьей 226.8 УПК РФ.

Пятая часть процессуальной деятельности включает в себя рассмотрение уголовного дела с обвинительным постановлением в суде в особом порядке. Данный этап начинается с момента поступления уголовного дела в суд и завершается вступлением в законную силу судебного решения. Таковыми являются в большинстве своем обвинительные приговоры суда, но есть также случаи и прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Пятая часть регламентирована нормами статей 226.9, 316 и 317 УПК РФ.

Между тем в своем исследовании соискатель описывает только три этапа процессуальной деятельности: стадию возбуждения уголовного дела, стадию дознания в сокращенной форме и процессуальную деятельность прокурора при утверждении обвинительного постановления.

При этом процессуальная деятельность на этапе производства дознания в общем порядке и в суде соискателем не исследуется, что может трактоваться как неполнота проведенного исследования.

Неучет того обстоятельства, что по большинству уголовных дел, расследованных в форме сокращенного дознания, этапу производства дознания в сокращенной форме предшествует период дознания в общем порядке, зачастую приводит к неверной оценке и абсолютизации норм ст. 226.5 УПК РФ об особенностях доказывания при производстве дознания в сокращенной форме.

В первое время после введения института дознания в сокращенной форме особенной критике со стороны исследователей подверглись нормы статьи 226.5 УПК РФ. Так, В. Г. Глебов [2] говорил о потенциальных угрозах объективному установлению обстоятельств преступления, а также обеспечению прав и законных интересов участников процесса [2, с. 21]. И. С. Дикарев [4, с. 34] писал о внутренней противоречивости норм закона. Е. И. Елфимов [5, с. 36] констатировал, что сокращенная форма дознания значительно ограничивает пределы доказывания, упрощая и сокращая процесс доказывания. Е. А. Зайцева [6, с. 47] считала, что новеллы «закона о сокращенном дознании» фактически ведут к затушевыванию различий между экспертом и специалистом, к размыванию границ процессуальных институтов судебной экспертизы и специалиста, и в итоге – **к эрозии правового института судебной экспертизы.** С. Н. Кабельков [9, с. 52] утверждал, что применение норм главы 32.1 УПК РФ ставит под вопрос реализацию отдельных принципов уголовного судопроизводства, в частности принципа презумпции невиновности, а также принципа свободы оценки доказательств.

Наиболее категоричен был в оценке нового процессуального института А. П. Кругликов [10]. Данный автор даже вспомнил Особое совещание при НКВД СССР и практику «троек» 30-х годов XX века [10, с. 61]. Автор завершил свою статью утверждением, что не было оснований для включения в УПК РФ главы 32.1 «Производство дознания в сокращенной форме», и само её содержание во многом не отвечает требованиям, предъявляемым к правовым нормам [10, с. 73].

Данные высказывания были сделаны до начала практики применения норм главы 32.1 УПК РФ. По мере наработки практики применения данного института позиции исследователей изменились. Оказалось, что ситуация с применением норм статьи 226.5 УПК РФ не такая катастрофическая, как казалось ранее.

Выяснилось, что определенная часть доказательств при производстве дознания в сокращенной форме получается на стадии проверки сообщения о преступлении, т.е. ещё до возбуждения уголовного дела. Другая часть доказательств получается после возбуждения уголовного дела и при производстве дознания в общем порядке. И оставшаяся часть доказательств собирается уже

при производстве собственно дознания в сокращенной форме.

Поэтому Л. А. Ярыгина [25, с. 13] справедливо отмечает, что в литературе сформировалось ошибочное мнение, что законодатель допустил усечение предмета доказывания, чреватое неполнотой исследования обстоятельств преступления. Детальное рассмотрение этого положения в контексте других правовых предписаний, содержащихся в главе 32.1 УПК РФ, приводит к выводу об отсутствии принципиальных различий между предметом доказывания по уголовным делам, расследуемым по правилам гл.32.1 УПК РФ, и положениями ст. 73 УПК РФ.

Соискатель поднимает важный **вопрос о доказательственном значении объяснений,** получаемых до возбуждения уголовного дела в ходе доследственной проверки. Автор предлагает дополнить перечень видов доказательств в части 2 статьи 74 УПК РФ новым видом: объяснение. Автор также предлагает при даче лицом объяснений на стадии проверки сообщения о преступлении, как и при допросе, предупреждать лицо об ответственности.

Процессуальные статусы лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, и участников уголовного судопроизводства отличаются друг от друга.

Доказательственная сила объяснений, полученных до возбуждения уголовного дела, и показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, полученных после возбуждения уголовного дела при их допросах, различная. Вряд ли можно приравнять показания этих лиц к объяснениям, которые эти же лица давали до возбуждения уголовного дела.

Хотя надо отметить, что судебная практика идёт по пути в том числе признания объяснений в качестве доказательств по делам, расследованным в форме сокращенного дознания [14, 15]. Но, если законодатель признает объяснение в качестве доказательства и внесет соответствующее изменение в уголовно-процессуальный закон, то такая практика распространится и на уголовные дела, расследуемые в форме предварительного следствия и в форме дознания в общем порядке. Речь в таком случае может идти о расследовании тяжких и особо тяжких преступлений. Вряд ли является приемлемой такая ситуация, когда по таким составам преступлений в качестве доказательств будут признаваться не показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, а их объяснения.

Дискуссионным является **вопрос о доказательственной природе прокурорской проверки.** Соискатель рассматривает прокурорскую проверку как доказательственную деятельность «в своём роде» [11, с. 204].

Представляется, что данное утверждение противоречит нормам действующего законодательства. В частности, в п. 2 ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре РФ» говорится, что проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки.

Таким образом, цель прокурорской проверки заключается не в получении доказательств, а в проверке информации о фактах нарушения законов.

По мнению соискателя, рассмотрение прокурором жалобы на решение дознавателя о производстве дознания в сокращенной форме представляет собой полноценный процесс доказывания, осуществляемый в условиях процессуального спора, где прокурор выступает в роли квазисудебного органа, обязанного установить наличие или отсутствие нарушений и обосновать свое итоговое решение [11, с. 216]. Там же автор утверждает, что процедура рассмотрения жалоб представляет собой классический пример доказывания, инкорпорированного в надзорную деятельность [11, с. 216].

Не совсем понятно, кто из участников уголовного судопроизводства может обжаловать решение дознавателя о производстве дознания в сокращенной форме, т.к. это решение принимается по ходатайству подозреваемого и при согласии потерпевшего.

Но даже если допустить эту ситуацию, то деятельность прокурора при рассмотрении подобной жалобы регламентирована нормами статьи 124 УПК РФ и заключается в проверке наличия в доводах заявителя признаков нарушения уголовно-процессуального закона в действиях дознавателя. Эти действия полностью охватываются надзорной функцией прокурора и никак не связаны с процессом доказывания.

Выводы.

Подытоживая сказанное, мы видим, что проведенное Лавриновской И. С. диссертационное исследование на тему «Средства доказывания при производстве дознания в сокращенной форме» является самостоятельной, завершенной, творческой, обладающей внутренним единством научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований содержится решение научной задачи, имеющей значение для теории и практики уголовного судопроизводства.

Данное исследование является ещё одним шагом в развитии научной дискуссии о правовой природе нового процессуального института дознания в сокращенной форме.

Список источников

1. Гаврилов Б. Я., Кузнецов А. Н. Уголовный процесс: дознание в сокращенной форме : учебное пособие для СПО. – М. : Юрайт, 2023. – 247 с.
2. Глебов В. Г. К вопросу об эффективности сокращенных форм досудебного производства в уголовном процессе // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – 113 с. – С. 15-21.
3. Григорьев Д. А. Дифференциация процессуальной формы производства дознания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2018. – 30 с.
4. Дикарев И. С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – 113 с. – С. 22-34.
5. Елфимова Е. И. Пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – 113 с. – С. 35-37.
6. Зайцева Е. А. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ о применении специальных познаний и эрозия правового института судебной экспертизы // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – 113 с. – С. 38-48.
7. Закотянский А. С. Анализ практики дознания в сокращенной форме по материалам Самарской области // Юридический вестник Самарского государственного университета. – 2015. – Т. 1. – № 2. – С. 107-113.
8. Зотова М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2016. – 28 с.
9. Кабельков С. Н. К вопросу соответствия дознания в сокращенной форме принципам уголовного процесса // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – 113 с. – С. 49-52.
10. Кругликов А. П. Дознание в сокращенной форме: почему органам дознания и суду можно не исследовать должным образом доказательства при расследовании и рассмотрении уголовного дела? // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общей редакцией кандидата юридических наук, доцента И. С. Дикарева. – Волгоград, 2013. – 113 с. – С. 58-73.
11. Лавриновская И. С. Средства доказывания при производстве дознания в сокращенной форме : дис. … канд. юрид. наук : 00.00.00 / Лавриновская Ирина Сергеевна. – М., 2025. – 263 с.
12. Лавриновская И. С. Средства доказывания при производстве дознания в сокращенной форме : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 00.00.00 / Лавриновская Ирина Сергеевна. – М., 2025. – 34 с.

13. Насонова И. А., Зотова М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: монография / под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации О. А. Зайцева. – М. : Юрлитинформ, 2017. – 224 с.
14. Наумов А. М. Процессуальная деятельность при производстве дознания в сокращенной форме : учебно-методическое пособие. – Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2024. – 309 с.
15. Наумов А. М. Уголовное преследование при производстве дознания в сокращенной форме : монография. – Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2024. – 330 с.
16. Никифоренко Ю. Л. Осуществление уголовного преследования в упрощенных формах: доктрина, законодательная техника и правоприменительная практика автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2018. – 33 с.
17. Пестов А. Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2016. – 29 с.
18. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
19. Романова А. В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 2 (12). – С. 83-87.
20. Самолаева Е. Ю. Правовые последствия производства дознания в сокращенной форме // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2018. – № 2 (55). – С. 166-169.
21. Сильвестров П. С., Марфицин П. Г. Проблемы правоприменения при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Право. – 2015. – № 5-6. – С. 312-314.
22. Скобкарева Е. А. Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2018. – 21 с.
23. Казинян Г. С., Соловьев А. Б. Проблемы эффективности следственных действий. – Ереван, 1987.
24. Ярыгина Л. А. Является ли сокращенным «сокращенное дознание»? // Юридический вестник Самарского университета. – 2016. – Т. 2. – № 4. – С. 132-139.
25. Ярыгина Л. А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Самара, 2017. – 22 с.

Уважаемые читатели!
Вы держите в руках выпуск научно-практического журнала «Ученые записки»
Вопросы, интересующие авторов, можно направлять по e-mail: peregudova-am@ranepa.ru

или задать по тел.: (4922) 52-27-89
редактору отдела ИРиИД
Перегудовой Алле Маратовне

Дизайн и вёрстка – А. Е. Дмитриев
Корректор – Н. М. Орлова

Подписано в печать 28.09.2026 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Calibri.
Тираж 500 экз. Заказ № 770/26

Отпечатано во Владимирском филиале федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Россия, г. Владимир, ул. Горького, 59а,
контактный телефон (4922) 52-27-89